

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

На кладбищахъ

(Воспоминанія)

Издательство „Библиофилъ“
Ревель

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО

НА КЛАДБИЩАХЪ

(ВОСПОМИНАНІЯ)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „БИБЛІОФИЛЪ“
РЕВЕЛЬ**

Отъ автора

„Воспоминанія“ писались въ первые дни революціи. На нихъ поэтому отражаются впечатлѣнія такъ скоро минувшихъ событій, великихъ облетѣвшихъ надеждъ и яркихъ миражей, смѣнившихся суровою, безпощадною дѣйствительностью. Непо-
нятною однимъ, страшною другимъ. Стихійное творчество, какъ и міровое разрушеніе, не справляются ни съ катихизисомъ, ни съ сводомъ законовъ, какъ бы мудры они наканунѣ ни казались всѣмъ, кто приговоренъ торжествующей новью къ смерти и уничтоженію. Вѣдь, въ Исторіи чаще, чѣмъ думаютъ, логика смѣняется неизбежностью. Бродя по полузабытымъ кладбищамъ, невольно воскрешаешь мертвецовъ, независимо отъ того, какія они играли роли — большія или малыя. Ведешь съ ними нескончаемыя бесѣды, повторяешь прошлыя. Впоследствии онѣ понадобятся бытописателю, который пожелаетъ, какъ библейская Русь, съ скошенныхъ пажитей собрать и эти оставшіеся колосья. Медовый мѣсяцъ революціи прошелъ. Начни я эту книгу теперь, многое въ ней написалось бы иначе. Но мнѣ именно дороги тогдашнія настроенія. Хотѣлось сохранить въ наши рабочіе будни радужные отсвѣты погасшихъ праздничныхъ огней. При томъ же мои „Воспоминанія“ печатались далеко отъ меня, и по старой рукописи нельзя было пройти корректирующему сегодня. Пусть же въ нихъ отражается то время, со всѣми его плюсами и минусами. Это тоже нужно и имѣетъ право на существованіе.

Неодолимая условія нашей яви помѣшали мнѣ сдѣлать нѣкоторыя исправленія и даже восстано-
вить опущенныя мѣста. Записки о Чеховѣ чита-
лись неоднократно публично и изъ нихъ выпали двѣ-
три страницы. Такимъ образомъ, на стран. 47, между
строками 18—19, оказался досадный пропускъ. Разу-
мѣется, не по винѣ типографіи, а по моей: нѣсколько
анекдотическій рассказъ насмѣшливаго Вас. Пант.
Далматова о странствіи его съ А. П. Чеховымъ
и Влад. Тихоновымъ по раннимъ обѣдиямъ ведется
какъ бы отъ моего лица. Далматовское „я“ — ока-
залось моимъ.

Бѣглыя воспоминанія о Д. А. Милютинѣ —
только дополненіе къ тому, что о немъ было мною
напечатано ранѣе¹⁾. По цензурнымъ условіямъ эта
глава, разумѣется, въ свое время появиться не могла.
О гр. Лорисъ-Меликовѣ я тоже далъ немного, по-
тому что мои записки о немъ находятся въ пре-
красномъ далеку. Писать приходится въ Петро-
градѣ, а дневники, которые я велъ когда-то, и на-
мѣтныя книжки остались въ Италіи...

Все, помѣщенное въ эту книгу, — является
въ первый разъ.

1) Вас. Немировичъ-Данченко: „Зигзаги и Профили“, изд. „Про-
свѣщенія“, 1913.

О Чеховъ

Не разъ хотѣлось писать объ Антоѣ Павловичѣ Чеховѣ, но мнѣ было такъ трудно передать о немъ мои воспоминанія. Почему-то онъ мнѣ представляется весь въ нѣжныхъ полутонахъ, неуловимыхъ, какъ нѣкоторыя Мурильевскія картины, гдѣ въ сгущенныхъ сумеркахъ надо угадывать неясныя фигуры.

На югѣ есть такіе туманы: палевые, и въ нихъ теряется опредѣленность и четкость очертаній. Образы писателя были опредѣленны и выпуклы, но онъ самъ, удивительно зоркій наблюдатель струившейся мимо жизни, оставался въ сторонѣ красивою и милою загадкою для тѣхъ, кто, какъ я, встрѣчался съ нимъ то часто за границей, то съ большими промежутками въ Россіи.

Я никогда не былъ съ нимъ очень близокъ, если исключить три мѣсяца, проведенныхъ вмѣстѣ въ маленькомъ русскомъ пансіонѣ въ Ниццѣ.

Сейчасъ я роюсь въ прошломъ и, точно въ влажный вешній день, люблюсь зыбкими, едва намѣченными сквозною молодую листвою тѣнями. Можетъ быть, онъ и не былъ такимъ, и, по всей вѣроятности, друзьямъ, лучше его знавшимъ, онъ является въ болѣе точныхъ рисункахъ и яркихъ краскахъ, но это все равно. Я говорю о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, и только.

Думаю, что негативы, взятые слишкомъ близко, лицомъ къ лицу, часто уступаютъ такимъ же издали. Въ послѣднихъ болѣе цѣльности, особенно, когда дѣло идетъ о крупныхъ величинахъ съ ихъ соотношеніями ко всему окружающему.

— Меньше всего знаетъ мужа его жена именно потому, что видитъ его каждый день. Она хорошо помнитъ, гдѣ

у него обрывались пуговицы, пришитыя ею, но самого человека заслоняютъ такія мелочи, сквозь которыя, какъ въ иномъ лѣсу сквозь кустарникъ, не пробраться. Онъ, можетъ быть, великъ, а она никакъ не забудетъ, какъ онъ храпѣлъ и не давалъ ей спать или ссорился съ нею изъ-за не во-время поданнаго счета кухарки.

Это — слова самого Антона Павловича, врѣзавшіяся въ мою память. Мы съ нимъ тогда смѣялись надъ тѣмъ, какъ одна итальянка опредѣляла своего, ну мужа, что ли, — одного изъ крупнѣйшихъ и талантливѣйшихъ русскихъ ученыхъ и профессоровъ.

— Не понимаю, почему его всѣ такъ уважаютъ, а онъ терпѣть не можетъ, когда мясо жарятъ на самомъ лучшемъ оливковомъ маслѣ. И когда онъ спитъ — кажется, что рядомъ кто-то полощетъ себѣ горло.

Только она и могла вынести изъ долголѣтней близости съ нимъ.

Сверхъ того, о такихъ любимцахъ своего интимнаго кружка, какъ Чеховъ, трудно писать потому, что многіе „друзья“, зачислившіе себя въ этотъ, если хотите, завидный чинъ уже послѣ смерти писателя, — очень ревниво оберегаютъ свое захватное право: свидѣтельствовать ложно о покойникѣ. Каждого, кто это дѣлаетъ, хотя и правдиво, они готовы взять за шиворотъ и сдать любому казенному городскому: „Караулъ, меня обокрали!“

Кому случалось одиноко проводить вечера за письменнымъ столомъ, тотъ знаетъ, какъ изъ потемочныхъ угловъ на него смотрѣло его прошлое, далекое - далекое, едва различимое.

Оторвешься въ раздумьѣ отъ работы, откинешься, и за маленькимъ свѣтовымъ кругомъ отъ абажура лампы оно, это прошлое, мерещится отовсюду.

Такъ именно намѣчается передо мною первое мое свиданіе съ блѣднымъ и веселымъ юношей у другого — и тогда малоизвѣстнаго, а теперь и вовсе забытаго — романиста, поэта и фотографа (за что только онъ ни брался!) Хрущова-Сокольниковъ. Случилось это въ Москвѣ. И Чеховъ еще не былъ Чеховымъ, а въ печати впервые появился „Антоша Чехонте“.

Я вернулся изъ первой поѣздки въ Италію и, должно быть, уже слишкомъ былъ въ восторженномъ угарѣ только-что пережитыхъ впечатлѣній. Разсказывалъ о нихъ и вдругъ изъ угла слышалось:

— Эхъ, грошей не ма! А то бы и я... Нѣтъ, впрочемъ, не хочу туда!

— Почему?

— Слушайте же... Лакированная она у васъ какая-то... Италія! Точно новый паркетъ, только-что полотеры ушли — онъ весь и горить... И потомъ скользко...

— Это въ старыхъ галлереяхъ, въ развалинахъ?

— И все-таки, хотъ и обвалилась и потрескалась, а лакированная. Вотъ вы, напримѣръ, о дождѣ въ Веронѣ, такъ вѣдь дождь-то ее еще больше обмылъ, и мокрая она такъ и блеститъ на солнцѣ. Потомъ вся она каменная. Домамъ на землѣ тѣсно, сбились въ кучу и на небо лѣзутъ. Вонъ, по вашему, въ Генуѣ дылды въ девять этажей.

— И по двѣнадцати есть въ портѣ.

— Ну вотъ, это ужъ не жизнь, а воздухоплаваніе... Съ Ивана Великаго только и пріятно, что плюнуть на голову * * * (онъ назвалъ одного тогдашняго издателя), когда онъ аванса не дастъ. Да и Вероны никакой нѣтъ. Ее Шекспиръ выдумалъ, а вы ее видѣли на декораціяхъ „Ромео и Джульетты“. Нѣтъ, я, слушайте, просторъ люблю и деревенскій домикъ, и пѣтуха на заборѣ, и гусей въ прудѣ, и ракиты... И длинныя сумерки на крылечкѣ. А изъ кухни, чтобы жаренымъ поросенкомъ пахло.

Его все-таки черезъ много лѣтъ вытащилъ А. С. Суворинъ, и именно въ Венецію. Потомъ уже старикъ рассказывалъ мнѣ.

— Вотъ ужъ... Антонъ Павловичъ тамъ ни на что не смотрѣлъ. Больше съ Алешей (сынъ его) въ винтъ игралъ. Въ Венеціи мнѣ хотѣлось, чтобы онъ памятникъ Кановы посмотрѣлъ. Знаете: на piazza degli Frari. Взялъ съ него слово. Утромъ спрашиваю: — Видѣли? — Видѣлъ! — Ну что-жъ? — Хотъ сейчасъ на Волково кладбище! — Я даже плюнулъ. А потомъ добился: онъ тамъ и не былъ. Купилъ себѣ открытку съ этимъ памятникомъ и на этомъ успокоился. Упрекаю его — а онъ: „А зачѣмъ мнѣ? я, вѣдь, не собираюсь открывать мастерскую надгробныхъ монументовъ для рогожскихъ купцовъ“. Идемъ мы съ нимъ мимо великолѣпной конной статуи кондотьери Коллеоне. Я останавливаюсь, а онъ: „да ну, Алексѣй Сергѣевичъ, пойдемъ. Есть на что: мало вы въ Берлинѣ конныхъ городовыхъ видѣли!“ Или винтитъ или сидитъ у Квадри и ѣстъ

granita d'arancio. „Голуби-то — радуется — совсѣмъ, какъ у насъ на Собачьей площадкѣ“.

Было ли это безразличіемъ, отсутствіемъ любознательности? Нѣтъ, разумѣется. Но онъ до болѣзненности страстно любилъ Россію. Зарубежныя дива его занимали не много. Онъ проходилъ мимо, спокойный. У насъ есть все, говорилъ онъ, и яркое, и тусклое. Почему-то насъ называютъ сѣренькими въ сѣренькой природѣ, — а мы раскинулись вонъ какъ, и у насъ найдутся и краски, и такіе эффекты, до которыхъ, пожалуй, и вашей Италіи далеко. Ее, эту Италію, еще здорово смыть надо, чтобы она ужъ не очень блестѣла.

Разгадка такого отношенія къ странамъ, куда насъ тянетъ такъ сильно, была въ томъ, что, какъ тонкій психологъ, Чеховъ интересовался больше человѣкомъ, чѣмъ сценой, на которой тотъ дѣйствуетъ. И человѣкомъ у себя дома. Чужого — еще пойми, да и къ чему? У него свои изобразители, а родное постоянно на глазахъ и мучить, и волнуетъ, и требуетъ воплощенія въ звуки и образы. Ему наши тускляя будни поэтому были понятнѣе и дороже и ближе солнечныхъ раевъ...

Все это ужъ было позже, когда Суворинъ влюбился въ молодой талантъ и старался расчистить ему дорогу отъ неизбежныхъ волццовъ и терній. Самъ Антонъ Павловичъ въ этотъ медовый мѣсяцъ такъ поздно выпавшаго на его долю головокружительнаго успѣха только отошелъ отъ себя въ сторону, смотрѣлъ на восторги еще вчера невѣдавшаго о немъ читателя извнѣ и даже недоумѣвалъ:

— Вотъ еще нашли! Это все Григоровичъ съ Бѣжецкимъ выдумали, а Суворинъ имъ повѣрилъ: онъ, вѣдь, сколько лѣтъ генія ищетъ. Многихъ на эту мѣрку прикидывалъ, вотъ и меня тоже. Талантъ! А Лейкинъ его по восьми копѣекъ за строку цѣнить, и строка у него не строка, а дистанція. Сколько лѣтъ пишетъ Чехонте! Правда, Левинскій меня по плечу хлопалъ: не безъ способностей-де парнишка, — но вѣдь до генія, какъ до звѣзды небесной...

Я кстати вспомнилъ о Бѣжецкомъ. Теперь онъ больной, съ сломанной и плохо сросшейся ногой, старый писатель и профессоръ, мало оцѣненный по достоинству.

Григоровичъ въ исторіи нашей литературы является чуть не Колумбомъ, открывшимъ Чехова. Это не совсѣмъ справедливо. Первый, кто не разъ говорилъ объ этой Америкѣ Суворину, былъ именно Бѣжецкій (А. Н. Масловъ), самъ

талантливый беллетристъ и драматургъ, чуткій и не разъ обращавшій вниманіе на прекрасныя мініатюры „Антоши Чехонте“. Лейкинъ, потомъ не въ мѣру гордившійся тѣмъ, что онъ пріютилъ въ своихъ „Осколкахъ“ будущаго великаго писателя, считалъ его чѣмъ-то въ родѣ заурядъ-прапорщика. Когда Антонъ Павловичъ потребовалъ съ него прибавку въ 2 к. за строку, тотъ огорчился и вознегодовалъ.

— Помилуйте, если Чехову платить по десяти за строку, сколько же я долженъ назначить . . .

Не хочу раздражать самолюбій и потому умалчиваю имя одной инфузоріи, которая и подъ микроскопомъ-то едва различима въ капелькѣ изъ литературной Мойки. Родовыя боли, пережитыя Чеховымъ, были трудны и мучительны. Онъ бился изъ всѣхъ силъ, работая по мелочамъ, слишкомъ гордый для того, чтобы искать себѣ мѣста въ кружковщинѣ крупныхъ изданій. Онъ любилъ свободу и независимость прежде всего: не онъ искалъ — а его нашли.

° Кто-то изображалъ Чехова застѣнчивымъ.

Совсѣмъ не то слово.

Онъ, какъ всякая крупная творческая сила, былъ спокоенъ и скромнѣе. Терпѣть не могъ разговоръ о своихъ очеркахъ. Послѣ его встрѣчи съ Вас. Вас. Верещагинымъ, наприимѣръ:

— Точно имъ не о чемъ говорить. Ужъ кому-кому, а Верещагину стыдно, кажется. Самъ головой въ потолокъ, а тоже въ передней расписывается. За то Левинскій меня утѣшилъ. Вчера смотритъ на меня съ удивленіемъ. Спрашиваю: „Чего вы? Какъ козелъ въ зеркало“. А онъ: „Кто бы могъ думать! Правда, не безъ способностей, я всегда это говорилъ, но . . . Этакъ вы, пожалуй, потребуеете теперь пять копѣекъ на строчку надбавить“.

Разъ, въ театрѣ Корша въ Москвѣ, какая-то поклонница — настоящая песья муха — набросилась на него, точно ей до смерти пить захотѣлось. Отъ восклицательныхъ знаковъ перешла къ цитатамъ, и не успѣлъ еще бѣдный Антонъ Павловичъ отчураться, какъ она одну изъ его страницъ восторженно и крикливо наизусть, а кругомъ милостивые государи таращатся и по собачьи заискивающе въ глаза ему смотрятъ.

Чеховъ весь пошелъ красными пятнами. И скрывая негодование подъ улыбкой, обернулся къ пріятелю:

— Слушайте же . . . Уведите ее. У меня въ карманѣ свинцовка есть. Я вѣдь и убить могу.

Помните А. М. Горькаго: что я вамъ балерина, что ли?..

Но это была исключительная дура. Ее любишь только покойный Мачтетъ, котораго она усердно знакомила съ его собственными произведеніями (одарить же природа новую дѣвицу Кукшину столь феноменальною памятью!). Онъ, бывало, уставится въ нее и поглаживаетъ себѣ длинную, какъ у библейскихъ праотцевъ, бороду. А поклонница, закрывъ глаза и взвизгивая, чеканить строчку за строчкой.

Спрашиваю его: какъ вы ее выносите?

— А что?

— Да, вѣдь, липкая.

— Гм... Не скажите: у нея большой литературный вкусъ есть. Она хорошо понимаетъ писателей.

Подчасъ гг. обыватели въ этихъ случаяхъ доймутъ такъ, что хоть полъ провались подъ ногами, и то слава тебѣ Господи! Встрѣча съ бенгальскимъ тигромъ въ джунгляхъ не такъ ужасна! И, во всякомъ случаѣ, болѣе интересна.

Чеховъ не выносилъ и болѣе скромнаго любопытства на своей счетъ.

— Слушайте же... Давайте о другомъ. Тоже нашли предметъ.

Или дѣлался мрачнымъ.

— Знаете: заграница однимъ хороша — никому до тебя никакого дѣла. Ходи вольно! А то, помилуйте, пошелъ я къ Тѣстову (очень подовые пироги люблю!), а напротивъ какой-то купецъ бараній бокъ съ кашей ѣлъ. „Смотри, Чеховъ!“ Выпучился на меня, поперхнулся и всю даму жирной гречихой обрызгалъ. Та ему благимъ матомъ: „Ты что-жъ, дуракъ, медвѣдя на Кузнецкомъ увидѣлъ, что-ли? Все мнѣ платье испортилъ, по двѣнадцати рублей аршинъ у Сапожниковыхъ плачено. И Чеховъ твой этого не стоитъ!“ Слушайте же — ну что тутъ красиваго? Не дали подового пирога окончить.

Но и заграница не долго его баловала такимъ сравнительнымъ покоемъ. Заграница заграницѣ рознь. Особенно Ницца — городъ тогда почти русскій.

Я не могу забыть встрѣчи въ Ниццѣ съ одною изъ самыхъ неистовыхъ нашихъ соотечественницъ. На бѣду А. П. Чехова, мы съ нимъ какъ-то пошли завтракать въ „Réserve“. Я былъ ей наканунѣ представленъ. Она оказалась за сосѣднимъ столомъ. Ей сказали, кто со мной, и вдругъ, не успѣли мы еще заказать себѣ, какъ она на всю залу мнѣ:

— C'est monsieur Tchekoff.

И произнесла, какъ будто забыла русские „ч“ и „х“ —
Tshekoff.

— Alors présentez le moi, je veux faire sa connaissance...

Пришлось представить. Какой-то недоносокъ рядомъ взбросилъ монокль въ глазъ и тоже: „Tiens! c'est monsieur Tchekoff.“ И французъ около — и французъ-то былъ поганый съ лакированной мордашкой и усами штопоромъ —: „Это русскій писатель... Célèbre!“ И во всѣ глаза на Антона Павловича... Дама, разумѣется, захотѣла сейчасъ же поразить всѣхъ своей образованностью, и съ мѣста:

— Ахъ, я такъ люблю писателей... У меня бываютъ... M-sieur Forcet... Вы его знаете, онъ въ Petit Niçois... Когда я приѣхала, онъ обо мнѣ цѣлую статью: La belle de Moscou... Хотите, я васъ ему представлю? Скажите, М. Tshekoff, вы въ какомъ родѣ пишете?... Вотъ князь (кивокъ по направленію къ своему кавалеру) увѣряетъ, что вы почти русскій Мопассанъ... C'est très joli — Maupassant... Хотя я больше люблю Шерлока Гольмса... У насъ такъ не умѣютъ. Я вашего Толстого не выношу, хотя онъ и графъ... У него все à la moujik... А что вы теперь творите? (Не пишете, а творите!)

И Чеховъ мрачно:

— „Хорошій тонъ“ Германа Гоппе.

— Это что же, романъ?

— Въ родѣ...

— А какъ Лейкинъ, — вы не можете? Вчера у августѣйшаго (подразумѣвался поклонникъ этого писателя, вел. кн. Алексѣй) читали его. Лейкинъ, это очень смѣшно... Ce sont les купецъ, toujours les soupeurs.

Такія, разумѣется, и между нашими рѣдки... Но, дѣйствительно, бѣдному Антону Павловичу иногда отъ его поклонницъ житья не было. Сядешь на скамейку Promenade des Anglais, засмотришься на сиреневое море, дышешь чудеснымъ солоноватымъ воздухомъ, и вдругъ рядомъ пара соотечественницъ... И безцеремонно.

— Chère, ты читала послѣднюю вещь Антона Павловича Чехова?

Какъ будто не знаетъ его.

— Ахъ, какая прелесть... Понимаешь...

И начинаетъ рассказывать содержаніе, разумѣется, перевирая его.

Но Ницца это — городъ въ то время русскій. Тамъ, пожалуй, нашъ языкъ слышался чаще французскаго — а

Европа была дѣйствительно отдыхомъ и для Чехова, и для болѣе раннихъ писателей.

Туда стремились всѣ почти — и въ самые глухіе уголки ея.

Какъ-то въ Петербургѣ вышли мы съ нимъ поздно ночью отъ Гнѣдича. Тогда еще его мучила свойственная каждому таланту неуверенность въ себѣ.

— Они говорятъ, а я имъ совсѣмъ не вѣрю.

— То-есть?

— Очень просто. Иной разъ кажется: выдумали они меня нарочно и на зло тычутъ мною въ глаза кому-то. Только Далматовъ меня утѣшилъ: хорошій ты, говоритъ, писатель, не стану спорить, а попробуй-ка Рюи - Блаза сыграть? Посмотрю я, какъ ты въ окно вскочишь!

Меня еще въ „Чехонте“ поражала своеобразная тонкая наблюдательность. Отъ него ничто не ускользало. Онъ окружающее воспринималъ полностью. Вотъ ужъ именно былъ безъ шоръ. И свѣтъ, и тѣни на его внутреннемъ негативѣ ложились со всѣхъ сторонъ съ изумительною точностью и пропорціональностью. Ничто не выступало въ ущербъ другому преувеличеннымъ, подчеркнутымъ. Онъ часто жертвовалъ рельефомъ и красками — простой будничной правдѣ. Онъ не только не злоупотреблялъ ими — въ немъ было какое-то монашеское цѣломудріе, сдержанность и скромность. Бывало, говоритъ о чемъ-нибудь (рѣдко, онъ чаще отмалчивался, слушалъ и занотовывалъ въ памяти) и вдругъ точно изъ мѣшка посыпятся у него и сравненія, и тонкія черточки, и неуловимыя для другихъ подробности. У нашихъ крупнѣйшихъ писателей онъ часто загромаждаетъ цѣлыя страницы. Но одно дѣло разговоръ — другое бумага. На бумагѣ Чеховъ былъ скупъ на такую размѣнную монету. Онъ въ письмѣ любилъ характеризовать своихъ дѣйствующихъ лицъ одною какой-нибудь совсѣмъ незначительною, повидимому, мелочью. Но только повидимому. Кажется, ни къ чему она, а въ ней весь человѣкъ, и она къ нему приклеивалась, какъ ярлыкъ. Вы видите „милостиваго государя“ живымъ. Въ интимномъ разговорѣ, случалось, А. П. уходилъ въ подробности, нанизывалъ ихъ, какъ зерна въ четкахъ, но стоило ему взяться за перо, какъ въ его творческой работѣ начинала дѣйствовать точно какая-то вѣялка. Просѣивалось настоящее, цѣльное, самое нужное, полноцѣнное зерно и отбрасывались шелуха и соръ. Возьмите карандашъ, разверните наугадъ любую страницу нашихъ

первоклассныхъ мастеровъ — Достоевскаго, Тургенева — вы найдете всегда, что можно безъ ущерба вычеркнуть. Но самому придирчивому критику не удалось бы совершить такой операціи надъ Чеховымъ.

Я сказалъ: аскетическое цѣломудріе творчества...

Но оно предполагаетъ нѣчто намѣренное. Я думаю, что въ Чеховѣ его внутренній, подсознательный аппаратъ работалъ такимъ образомъ. Антонъ Павловичъ, если бы и хотѣлъ, не могъ бы писать иначе. Или просто это была строгость къ себѣ и порою мучительная неувѣренность: всѣ-де говорятъ, а вдругъ это неправда. У него какъ-то разъ вырвалось: „Счастливый человѣкъ Мачтетъ! Самъ убѣжденъ, что онъ великій талантъ, и это помогаетъ ему жить. Попробуй его переспорить. Онъ васъ будетъ сверху слушать! А я вотъ... Вы, кажется, рассказывали о * * *. Цѣлый театръ ему восторженно аплодируетъ, а * * * уходитъ въ уборную переодѣться и спрашиваетъ у васъ: „за что это мнѣ?... Я, кажется, сегодня совсѣмъ не въ ударѣ былъ“.

Въ каждомъ талантливомъ писателѣ, какъ червякъ въ яблокѣ, живетъ и разѣдаетъ его сомнѣніе: да, полно, стою ли я? А вдругъ это навожденіе, и завтра всѣ отъ меня отвернутся? Не то ли самое выразилъ такъ ярко поэтъ: „мысль изреченная есть ложь“? Все, что выйдетъ изъ подъ твоего пера, а тѣмъ болѣе изъ подъ печатнаго станка, является и блѣднѣе, и безсильнѣе того, что рисовалось въ безсонныя ночи и складывалось въ молчаніи и самоуглубленіи писателя. Точно кто-то стеръ всѣ рельефы и оставилъ одни только неясныя очертанія на плоской доскѣ... Вѣроятно, и Чехову — все „изреченное“ казалось недостойнымъ того, что онъ задумывалъ...

А работалъ онъ, дѣйствительно, — порою страдалчески, трудно, точно на каждомъ словѣ самъ себя поправляя, провѣряя, обрѣзывая крылья воображенію, не давая ему простора ни вверхъ, ни въ стороны. Какъ будто онъ боялся самого себя. Самоограничивалъ. Вначалѣ, говорятъ, ему все давалось легко. За одинъ присѣстъ набрасывалъ страницу за страницей. Потомъ выработалась требовательность къ себѣ. Успѣхъ обязалъ. Думаю, что онъ больше всего боялся измѣнить правдѣ жизни.

Въ Ниццѣ наши комнаты были рядомъ.

Моя смотрѣла большими окнами на золотые закаты и горѣвшее подъ ними море. Чеховъ любилъ эти прощальные часы южнаго дня, но ему было предписано врачами

ни подь какимъ предлогомъ именно въ эту пору не оставаться внѣ комнаты.

— Мой врагъ умирающее солнце . . . А я его страшно люблю!

Онъ приходилъ ко мнѣ и подолгу смотрѣлъ въ стекла закрытаго окна. Золотились пальмы, розовѣло небо, яркимъ полымемъ тлѣли по краямъ облака. И дождавшись, когда солнце уходило въ рѣзкую черту морского горизонта, Антонъ Павловичъ возвращался къ себѣ. Отъ него — другая картина. Еще сіяли аметистовыя горы на сѣверо-востокѣ и неясная полупрозрачная синь медленно ползла по садамъ и рощамъ . . .

Какъ-то вечеромъ я вернулся и вспомнилъ, что онъ просилъ меня заглянуть къ нему. У него было темно. Электричество въ нашъ скромный пансіонъ проведено не было. У Чехова только и свѣта, что подь зеленымъ абажуромъ тусклой лампы на кругломъ столѣ посрединѣ большой комнаты, довольно таки мрачной въ этотъ часъ наступающей ночи. Подь абажуромъ начатый листъ бумаги. Осматриваюсь. Точно утонувшій во мракѣ, въ углу едва-едва мерещится Антонъ Павловичъ. Усѣлся въ глубокое кресло. И безъ того блѣдное лицо кажется еще болѣе похудѣвшимъ, чуть намѣченное. И глаза ушли, далеко, точно присматриваются къ чему-то за этими стѣнами.

— Сейчасъ . . .

Всталъ. Подошелъ къ столу. Написалъ строчку и опять въ свой уголъ. Черезъ минуту вновь подь абажуръ. Вычеркнулъ набросанное.

Я хотѣлъ уйти.

— Погодите!

И опять Чеховъ у стола. Новая строка . . . И еще разъ то же — вычеркнулъ и опять вывелъ . . .

— Слушайте же. Сегодня легко пишется.

Смотрю на него — шутить онъ? Нѣтъ, лицо серьезное.

— Вообще работается трудно, только не сейчасъ. Ужасно легко думать, что именно напишешь. Кажется, всего и остается: присѣсть и перебѣлить готовое въ головѣ. А начнешь — и пойдетъ московская мостовая. О каждый булыжникъ встряхивается . . . Спотыкаешься . . . А иногда какъ по рельсамъ цѣлая страница. По старому, пожалуй, во вдохновеніе увѣровалъ бы. Только такія страницы не очень удачны.

Такъ у меня и осталось въ памяти зеленое пятно отъ лампы въ потемкахъ и блѣдный неясный Рембрандтовскій

обликъ Антона Павловича въ углу. Объ одномъ изъ крупнѣйшихъ писателей онъ говорилъ:

— Слушайте же, я никому такъ, какъ Игнатію Николаевичу, не завидую... Его манерѣ письма. Большой талантъ, и работникъ же! Заграницей у него бы давно и виллы были свои, и отель въ Парижѣ, и въ Ліонскомъ Кредитѣ, по крайней мѣрѣ, милліонъ. А у насъ онъ съ хлѣба на квасъ, милый человѣкъ, околачивается!..

— Чему же вы завидуете?

— Какъ же? Онъ всегда можетъ писать. Надо, чтобы у него мигрень въ вискахъ сверлила и кругомъ всѣ, кому не лѣнь, шумѣли. А онъ присядетъ къ уголку — непременно къ уголку — стола, съежится надъ нимъ и мелко-мелко листъ за листомъ списываетъ...

— Ночь хороша? — помолчавъ, спрашиваетъ.

— Да. Тепло и звѣздно. Море притаилось.

— А что, если мы пойдемъ на набережную?.. Впрочемъ, нѣтъ. Слушайте, у меня сегодня въ груди точно „мыши скребутся“. Посидимъ лучше. Вотъ, Якоби! То совсѣмъ не кстати шляется, а то точно утонетъ. Вытерли его резинкой и нѣтъ его. А сейчасъ я бы ему обрадовался. Все-таки живой человѣкъ, хоть надоѣдная страсть у него старые анекдоты рассказывать, такіе, которые всѣ попугаи наизусть знаютъ. Вѣрно, въ Монте-Карло поѣхалъ на чужіе выигрыши облизываться.

Оглядываешься назадъ — на всѣ пройденные пути, и на нихъ точно вѣхи — могилы. Позади не жизнь, а кладбище! Съ Якоби Чеховъ въ Ниццѣ встрѣчался чуть не каждый день. Знаменитый художникъ только-что рассорился тогда съ Академіей. Отряхнулъ прахъ отъ сандалій, и какъ всегда это бываетъ, чуть не отплевывался, вспоминая ее. Точно alma-mater на всю остальную жизнь ему поперекъ горла стала. Былъ онъ милый человѣкъ и хорошій товарищъ, но никакъ не могъ позабыть, что когда-то считался красавцемъ, и до послѣднихъ дней своихъ мнилъ себя такимъ, хотя въ его вандиковскомъ воротникѣ дряблая, морщинистая и худая шея — торчала, какъ у заколотой и ошпанной курицы въ птичьей лавкѣ. Волосы и бороденку онъ себѣ красилъ въ разные сверхъестественные цвѣта — это подъ предательскимъ южнымъ солнцемъ — и, запахнувшись въ Чайльдъ-Гарольдовскій плащъ, онъ такъ побѣдоносно смотрѣлъ на всѣхъ женщинъ, что одна, въ томъ же Монте-Карло, схва-

тила его за хохолокъ (меланхолическое воспоминаніе о когда-то великолѣпной шевелюрѣ!) и крикнула на всю терассу:

— Bonjour, mon coso!

Я уже говорилъ о его великой страсти рассказывать такіе похабные анекдоты и повторять старыя заплѣснѣвшія остроты, отъ которыхъ любого купеческаго почтеннаго кладенаго кота стошнило бы.

Онъ, впрочемъ, былъ очень добродушенъ. Разъ А. П. Чеховъ не выдержалъ и остановилъ его:

— И когда вы перестанете первый своимъ анекдотамъ смѣяться? Вы посмотрите, Максиму Максимовичу (Ковалевскому) плакать хочется, а вы хохочете.

— Развѣ не смѣшно?

— Да вѣдь такіе во блаженные памяти Императриксы Елисаветъ царствованіе наши пра-прадѣдушки пра-прабабушкамъ рассказывали, и то на ухо. Точно вы бригадиръ съ полинявшаго портрета въ лавкѣ стараго старья у Сухаревской башни.

— Ну, вы тоже!

И Якоби надувался, но не на долго и черезъ минутудвѣ начиналъ снова.

— Ну, ужъ на этотъ разъ... Знаете, у насъ на Васильевскомъ островѣ брандмайоръ былъ...

Я, думаю, не оскорблю прекрасной памяти крупнаго художника и гражданина Валерія Ив. Якобія, давшаго русскому искусству рядъ великолѣпныхъ картинъ — такихъ, какъ Петръ и Царевичъ Алексѣй, Утро во дворцѣ Императрицы Анны, Привалъ арестантовъ, Ледяной домъ, Робеспьеръ, Волынскій въ кабинетѣ министровъ, Свѣтлый праздникъ нищаго, Смерть Бирона, Соколиная охота, и рядъ яркихъ солнечныхъ этюдовъ африканской пустыни. У большихъ людей часты мелкіе недостатки. Они дѣлаютъ еще милѣе и ближе намъ, простымъ смертнымъ, тѣхъ, кто нѣсколькими головами перерастаетъ толпу. Смотришь на нихъ и думаешь: это плоть отъ плоти, кость отъ костей нашихъ, и роднишь ихъ со всѣмъ человѣчествомъ. Ихъ недочеты — наши, ихъ заслуги и геній — принадлежатъ имъ. Якоби въ это время уже подтачивалъ недугъ, который вскорѣ и свелъ его въ могилу. Какъ-то онъ оказался особенно въ ударѣ. Рассказывалъ намъ о великой княгинѣ Маріи Павловнѣ — женѣ Владиміра, которая черезъ нѣсколько лѣтъ, уже послѣ смерти его, была президентомъ Академіи Художествъ. Эта дама, поставленная, такимъ образомъ, во главѣ россійской живописи и

скульптуры, столько же понимала въ нихъ, сколько другой вел. князь — Алексѣй — въ морскомъ дѣлѣ. Что эта знаменитая компанія ухлопала народныхъ денегъ на глупые опыты и еще болѣе глупыя покровительства всевозможной междуплеменной челяди, одинъ Богъ знаетъ, да и тотъ никогда никому не расскажетъ. Вѣдь, говорили же про любовницу нашего морского министра, жадную француженку Балетта, что она развѣлась на русскихъ дредноутахъ, получая за каждый заказъ по нѣскольку милліоновъ и часто проглатывая, не поперхнувшись, цѣлыя днища океанскихъ гигантовъ, выходявшихъ изъ Тулонскихъ верфей одностонными. Марія Павловна, въ разсказахъ знавшаго ее близко художника, являлась истиннымъ изображеніемъ того изумительнаго времени, когда по высочайшему повелѣнію безграмотные сибирскіе попы дѣлались митрополитами, пьяные конокрады — ближайшими вдохновителями императорскаго правительства, кабацкія затычки и завсегдатаи публичныхъ домовъ — вершителями верховной воли и блюстителями народнаго достоинства.

Марія Павловна въ Академіи — она еще не была президентомъ этой художественной Сахары —:

— Это, разумѣется, этюды Рафаэля? Я видѣла ихъ въ нѣмецкомъ журналѣ „Die Kunst“.

— Такъ точно! — угодливо забѣгаетъ впередъ художникъ — изъ желающихъ попасть подъ августѣйшій взглядъ.

Я, было, заикнулся: „это Иванова“! — какъ на меня со всѣхъ сторонъ угрожающіе персты. А елейный (голова на бокъ и въ глазахъ всеподданнѣйшая преданность) москвичъ шипитъ мнѣ на ухо: „Развѣ великая княгиня можетъ ошибаться?“

— А это, узнаю, — разумѣется, Константинъ Маковскій.

Тутъ ужъ и такой царедворецъ, какъ „тогдашній“, Якоби не выдержалъ.

— Ваше высочество, это мое!

— Неужели... А, вѣдь, совсѣмъ Маковскій!

— Да... Да... Удивительное сходство въ письмѣ и въ колоритѣ! — восторженно заговорили вокругъ алкавшіе и жаждавшіе высочайшей милости.

За то эта августѣйшая невѣжда торговалась, какъ маклакъ, при жизни ея супруга, когда хотѣла купить что-нибудь нравившееся ей лично. Если авторъ не уступалъ, секретарь Академіи и прочіе придворные льстецы и прихле-

бателн — ему намекали: „Отдайте, мы васъ компенсируемъ изъ другихъ источниковъ“.

И отдавалъ.

Одинъ изъ ловкихъ малыхъ все-таки поднадулъ ее.

Продать ей какого-то Малафеева за Гверчино. Виситъ ли эта голова Христа до сихъ поръ въ Флорентійскомъ палаццо на Дворцовой набережной, или ее убрали?

Послѣ этихъ разсказовъ, цѣнныхъ для лѣтописца нашей неразберихи, Якоби опять утонулъ въ банальщинѣ затрапезныхъ анекдотовъ и самъ уже не хохоталъ надъ ними, а какъ-то надтреснуто дребезжалъ тошнотворнымъ острогамъ.

Идетъ отъ него со мною Чеховъ.

— А Якоби скоро умретъ.

— Это почему?

— Самого себя обманываетъ. Вы всмотритесь: разсказываетъ гадости, а въ глазахъ у него ужасъ. Слушайте, вѣдь это же видно . . . Да впрочемъ . . .

Онъ выдержалъ паузу.

— Мы всѣ . . . приговоренные.

— Съ самаго рожденія.

— Нѣтъ, я про себя. Мы въ первую очередь. Вы еще жить будете. Вонъ у васъ какія татарскія ребра и легкія — мѣха кузнечные . . . Придете сюда къ морю. Сядете на эту скамью . . . Какая даль сегодня! Посмотрите, вонъ парусъ. Совсѣмъ крыло. Это я у васъ прочелъ. Сравненіе очень вѣрно. А вотъ какого оно цвѣта, море?

Смотрѣлъ, смотрѣлъ. Думалъ.

— Сиреневое! Слушайте же — сиреневое, вѣдь! Это ужъ мое. Завтра патентъ возьму, чтобы пріятели не украли.

Потомъ уже я у него прочелъ это сравненіе.

— Да, да . . . сиреневое и въ складкахъ!

— Да, всѣмъ жить! — опять потемнѣлъ онъ: — и вонъ той паршивой собацѣ, если ее фурманчикъ не зацѣпитъ. А я буду упокояться во блаженномъ успеніи. А, вѣдь, слушайте же, такъ мнѣ жить хочется . . . Чтобы написать большое-большое. Къ крупному тянетъ, какъ пьяницу на водку. А въ ушахъ загода — вѣчная память. Иной разъ мнѣ кажется — всѣ люди слѣпы. Видятъ вдаль и по сторонамъ, а рядомъ локоть къ локтю смерть, и ее нарочно никто не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить. Точно сговорились, безъ словъ. Вонъ Якоби, тотъ себя одурманиваетъ смѣш-

ными анекдотами. А вѣдь, какъ и я: видитъ ее, видитъ... Въ безсонницу воображаетъ себя молодымъ красавцемъ, необыкновенно плѣнительнымъ. Обманывается сказкой. Всѣ люди трусы. Одни морочатся оккультизмомъ. Этакая, слушайте, цаца — тысячу разъ жила! Другой матушка земля создать не можетъ, все зады повторяетъ. Опять того же Ивана Ивановича на свѣтъ роди въ новомъ изданіи. Подумаешь! Соломко, напимѣрь, увѣряетъ, что онъ былъ жрецомъ-скрибомъ въ Мемфисскомъ храмѣ, а Далматовъ гладіаторомъ и съ самой Мессалиной путался. Луговой Алексисъ либръ-пансеромъ притворяется, а на спиритическіе сеансы бѣгаетъ свою мамашу вызывать. Это же такъ понятно. Я вотъ помню: въ Татьянинъ день у Яра Мачтетъ напился, влѣзъ на столъ и умолялъ товарищей: похороните меня рядомъ съ Гоголемъ... — Зачѣмъ? — спрашиваю. — А какъ же? Кто первый воскреснетъ, тотъ другого разбудитъ. — Кто-то ему, кажется, Гольцевъ: да, можетъ быть, онъ уже воскресъ и перевоплотился! — Ну, нѣтъ, иначе я его въ себѣ почувствовалъ бы. —

Въ этотъ день былъ такой великолѣпный закатъ.

Какъ я уже говорилъ — переменна температуры въ этотъ часъ гибельна для слабогрудыхъ. Изъ своей комнаты Антонъ Павловичъ перешелъ ко мнѣ. Весь западъ въ багрянцѣ. На листвѣ вспыхивало и трепетало пламя.

Магноліи — ихъ большіе и бѣлые, какъ молоко, цвѣты — порозовѣли, точно блѣдныя лица, залитыя румянцемъ. Лиліи казались горѣвшими кадилами. Худые, тонкіе пальцы Чехова поводило.

— А все таки я ее надую.

— Кого?

— Курносую. Врутъ все и вовсе мнѣ не опасно... И зачѣмъ я только ихъ слушаю? Самъ докторъ, и хорошій докторъ! — упрямо подчеркнулъ онъ, точно кто-нибудь его оспаривалъ — ... Отчего вы у меня не лѣчитесь?

— А потому, что я не боленъ.

— Жаль, а то бы я васъ, ей Богу, вылѣчилъ. Не напрасно мертвецовъ потрошилъ, знаю. У кого нынче грудь сильна? У васъ! Такъ развѣ вы человѣкъ? ...

— Благодарю.

— Слушайте же. Я объ организмѣ. Ассирійскіе быки такіе были. Видѣли — снимки съ раскопокъ? Навуходо-

носоръ на подножномъ корму, когда его Іегова обидѣлъ. Такъ и вы. Развѣ это грудь? Наковальня. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, чепуха. Вонъ пробирная палатка (о немъ ниже) идетъ, снялъ шапо и лобъ вытираетъ. Жарко, а я сижу дома. Мои родные и похуже меня были, а до семи-десяти лѣтъ доживали. Я вотъ говорю: самъ докторъ. А самому докторомъ быть скверно. Все преувеличиваешь. Всякую мелочь на научную мѣрку. На что вамъ съ вашей наковальней наплевать — для меня уже показатель. А показатели брешутъ и только жить Эскулапамъ мѣшаютъ. Возьму и начихать мнѣ на всѣхъ, и прежде всего самого себя надую. Пожалуй, еще до такого нахальства дойду, что, какъ Вейнбергъ, ни однихъ похоронъ не пропущу. Буду надъ каждой могилой рѣчи произносить. Съ бюро похоронныхъ процессій заключу условіе: такъ и въ счетахъ будетъ. „Купцу первой гильдіи Синепопову за рѣчь писателя Чехова надъ могилою родителя, коммерціи совѣтника и кавалера Іоны Синепопова тожъ — пятьсотъ рублей.“ При удачѣ — хорошенькая эпидемія, напримѣръ, или широкая масляница съ кислой капустой на первой недѣлѣ поста — всѣ пятнадцать тысячъ въ мѣсяцъ. Чѣмъ не заработокъ?

И засмѣялся, и повеселѣли и мы. Кстати, подошли другіе русскіе, чуть не до двухъ часовъ ночи проболтали.

Съ этого дня Чеховъ чувствовалъ себя повышенно бодро.

И я отъ всей души вѣрилъ ему.

— Слушайте, врачи мнѣ наврали про мою болѣзнь, а я имъ повѣрилъ. Еще какъ поживемъ! Потанцуемъ на вашей свадьбѣ. Куплю вотъ козу и буду ее сосать. Или коровьи сливки ведрами пить. А то, какъ нероновская Поппея, купаться въ молокѣ девятисотъ ослицъ!..

Потомъ, когда я уже встрѣчалъ его въ Петербургѣ и въ Ялтѣ, онъ сильно въ этомъ отношеніи перемѣнился. О болѣзни избѣгалъ говорить и терпѣть не могъ, когда ему замѣчали: „Вы сегодня очень хорошо смотрите! Отличный видъ у васъ!“ Онъ морщился и ронялъ: „У меня всегда хорошій видъ!“

Онъ даже сдѣлался суевѣренъ въ этомъ отношеніи. Запоминалъ сны, интересовался примѣтами.

Еще за годъ до „русскаго пансіона“ въ Ниццѣ мы встрѣтились въ Больѣ, въ прелестной Villa Batavia у Максима Максимовича Ковалевскаго. Тогда на Ривьерѣ жило много нашихъ писателей, профессоровъ и врачей. Между прочимъ,

Джаншиевъ и, кажется, А. Н. Плещеевъ. А. П. Чеховъ чувствовалъ себя великолѣпно и только понять не могъ: зачѣмъ его сюда послали — на югъ? На одномъ изъ завтраковъ у Ковалевскаго онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего:

— Слушайте же, я, ей Богу, буду теперь некрологи писать.

— Какіе некрологи?

— Почему именно некрологи?

— А вотъ чувствую, что я именно для этого созданъ. Человѣку съ фантазіей воспоминанія — лафа. Ври, сколько хочешь. Нище покойники не стучатся въ окно. Я такъ и сдѣлаю: сначала буду морить больныхъ за хорошій гонораръ, а потомъ за еще лучшій вспоминать ихъ.

Въ Ниццѣ по субботамъ въ одномъ изъ пансіоновъ давали такъ называемые „русскіе обѣды“. На нихъ бывалъ и Чеховъ.

У Антона Павловича то и дѣло вырывалось:

— Ну, зачѣмъ я здѣсь?

— Развѣ плохо?

— Нѣтъ, а только все чужое. Въ Москву хочу.

Потомъ въ „Трехъ сестрахъ“ это „въ Москву, въ Москву!“ прозвучало, какъ лейтъ-мотивъ. Такъ и у него оно выходило — подчеркнуто, съ особеннымъ удареніемъ. Тѣ, которые не слышали этого отъ самого Чехова, не понимали всей тоски и мечтательности его восклицанія „въ Москву, въ Москву“.

— А то еще куда меня гонять? Въ Африку. Что я Васко-де-Гама, что ли? Вѣдь это, слушайте же, въ оперѣ хорошо... Ни за что не поѣду. Тоже нашли Стенли. Пусть Василій Ивановичъ ѣдетъ. Его мамка въ дѣтствѣ ушибла. Ему чѣмъ дальше, тѣмъ лучше... А я ни за что. Мало я черномази видалъ! Даже если мнѣ еще тарелку гречневой каши дадутъ, не поѣду!

И, разумѣется, на зиму все-таки поѣхалъ, если мнѣ не измѣняетъ память.

Какъ-то выходимъ отъ Ковалевскаго.

Въ его саду только что поднялась великолѣпная пальма. Стволъ еще не подросъ, и вся она роскошнымъ вѣнцомъ точно къ землѣ припала.

— Въ Москву хочу!

— Ну что въ Москвѣ хорошаго — смѣялся я. — Посмотрите здѣсь — какая это прелесть!

Чеховъ съ ненавистью взглянулъ на пальму.

— Нашли тоже: жирная индюшка съела, и встать ей трудно. То ли дѣло наши березки. Скромныя, стыдливыя, бѣленькія. Совсѣмъ мѣщанскія невѣсты изъ старозавѣтной, хорошей семьи. Вывели Ѳеничку къ жениху, а она не знаетъ, куда ей глаза дѣвать. А то еще сравненіе — пальма! просто громадный кочанъ какой-то — нашли красоту!

Въ послѣдніе годы онъ сталъ молчаливъ, а тогда любилъ думать вслухъ.

— Я только-что изъ Ментоны. Сидѣли рядомъ на берегу въ креслахъ чахоточныя. Ноги въ толстыхъ пледахъ, теплыя шапки на носъ надвинуты. Злятся и плюются. А море, здоровое, сильное, смѣлое, катится къ нимъ. У кресель жены или мужья. Хорошо бы написать, какъ они ненавидятъ этихъ умирающихъ, какъ рабы, прикованные къ галерамъ. И про себя думаютъ: скоро ли тебя, подлеца, черти унесутъ... И только природѣ нѣтъ дѣла ни до тѣхъ, ни до другихъ.

Немного спустя:

— Пришло мнѣ, слушайте, очеркъ одинъ. Сельская учительница въ крестьянскомъ возкѣ. Ъдетъ въ городъ за жалованьемъ. Наголодалась и наголодалась. Сама въ овчинномъ тулупѣ, въ сапогахъ. Лицо бурое, грубое, обвѣтренное. Грязью захлестало всю. Шелудивая лошаденка добѣжала до чугунки и стопъ — проѣзду нѣтъ. Опустила голову, тяжело дышетъ. Мимо громыхають вагоны. Въ окнахъ перваго и второго классовъ мелькаютъ молодые, нѣжныя дѣвушки. Хорошо одѣтыя. Вотъ и вагонъ-ресторанъ бѣжитъ. Чисто, тепло, сытно. Учительница смотритъ, въ каждомъ улыбающемся тонкомъ личикѣ себя узнаетъ. Такой, какою сама была нѣсколько лѣтъ назадъ... Подняли шлагбаумъ. Возокъ покатился. Мужиченко корявый, жесткій, какъ мозоль, оглядывается, что это де случилось? Видитъ и понять не можетъ, чего это учительша реветъ. — „Нешто кто тебя обидѣлъ?“ — Сама себя обидѣла.

Мнѣ это понравилось.

Черезъ нѣсколько лѣтъ спрашиваю:

— Написали?

— Нѣтъ, что-жъ... И не буду. Не выходитъ какъ-то. Не стоитъ.

Я началъ возражать.

— Если хотите, вставьте при случаѣ главку. А мнѣ... я пробовалъ и разорвалъ.

Рвалъ онъ много начатаго и неудававшагося ему. Неудававшагося, разумѣется, по его мнѣнію.

Я прожилъ большую жизнь. На моихъ глазахъ ушло, родилось и выросло много пишущей братіи, но, повторяю, я не зналъ никого, кто бы такъ строго относился къ себѣ, какъ А. П. Чеховъ. Легендарные десять лѣтъ, которые выдерживалъ въ своемъ письменномъ столѣ рукописи И. А. Гончаровъ, — по нынѣшнему времени уходятъ въ область дидактическаго баснословія. Всякая работа нынче утратила бы свое значеніе, особенно при ускоренномъ темпѣ современности, начавшемся уже въ чеховскіе годы. Тургеневское „пусть спѣетъ“ было возможно, потому что у него барскаго *doisance faire niente* оказывалось въ распоряженіи съ зари и до зари.

Чеховъ жилъ тѣмъ, что зарабатывалъ, да и семью содержалъ. Ему нельзя было щеголять такими писательскими причудами и господскими затѣями. Великому Л. Н. Толстому тоже не трудно было выжидать да по десяти разъ перекраивать и передиктовывать свои сочиненія. Намъ, литературному пролетаріату, время — деньги, и ужъ очень-то щедро тратить его не приходилось. Случалось продавать самыя дорогія сердцу авторскому произведенія на корню, и наша совѣсть молчала, потому что работалось впроголодь и впрохолодь. Да еще на каждый нашъ рубль десятокъ ртовъ было разинуто! Попробуй выдержать романъ въ письменномъ столѣ при деликатныхъ намекахъ: „что же это вы, батюшка, авансъ взяли — а оригинала и по сю пору въ типографіи нѣтъ? Это ужъ мы вамъ предоставляемъ сообразить, какъ это называется между порядочными людьми“, и т. д. въ томъ же миломъ и деликатномъ родѣ.

Но Чеховъ, дѣйствительно, каждую строчку оглядывалъ, взвѣшивалъ и примѣрялъ, Богъ вѣсть сколько разъ. Разумѣется, продли ему судьба жизнь, онъ — уже сравнительно болѣе обеспеченный въ своемъ Ялтинскомъ уголкѣ — началъ бы настоящую ювелирную обработку задуманнаго. Его авторская трагедія въ томъ и заключалась, что онъ ушелъ въ тотъ моментъ, когда отъ него можно было ожидать такихъ сочиненій, которыя составили бы эпоху въ нашей изящной словесности. Въ этомъ отношеніи небо особенно немилостиво къ русскому писателю. Вспомните Веневитинова, Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Слѣпцова, Помяловскаго, Гаршина, Надсона.

Глупыя Парки ткуть безъ конца нити всевозможныхъ жизней никому не нужной бездарности и обрываютъ тѣ, съ

которыми перевились радужнѣйшія изъ нашихъ ожиданій и надеждъ.

Чехова сравнивали съ Мопассаномъ, воображая, что дѣлаютъ великую честь русскому писателю — одни, или ставятъ рядомъ двѣ одинаковыя величины — другіе. Мнѣ это казалось всегда обиднымъ для памяти нашего Антона Павловича. Блестящій французскій рассказчикъ и вздумчиво-глубокій наблюдатель русской жизни. Что же между ними общаго? Развѣ только объемъ маленькихъ рассказовъ и миниатюръ. Уже одно то, что у талантливаго парижскаго новеллиста всюду почти на первомъ планѣ адюльтеръ, который у Чехова встрѣчается рѣдко и въ такой скромной формѣ, точно его и нѣтъ совсѣмъ. Гюи де Мопассанъ, мастеръ шаржа и смѣха, почти вовсе лишенъ юмора, которымъ Чеховъ былъ одаренъ въ высшей степени. Правда, на палитрѣ у перваго были гораздо болѣе яркія краски, но вѣдь неизвѣстно еще, не показалъ ли бы намъ Антонъ Павловичъ такія же. Вѣдь нельзя же одними колерами рисовать Чухлому и Козмодемьянскъ или Алжиръ и Провансъ. Такой сильный художникъ-наблюдатель, какъ авторъ Трехъ сестеръ и Вишневаго сада, разумѣется, не сталъ бы макать свою кисть въ сѣверную мглу, чтобы смѣлыми штрихами набросать картины солнечнаго юга. А по отношенію къ глубинѣ проникновенія въ человѣческую природу, въ душу маленькихъ, незамѣтныхъ, хмурыхъ, никчемныхъ людей — во всю эту протоплазму конца 80-хъ и начала 90-хъ гг. — въ дѣйствовавшей и дѣйствующей литературѣ Франціи за послѣдніе сто лѣтъ, разумѣется, нѣтъ никого равнаго Антону Павловичу. Это сравненіе съ Мопассаномъ, которое казалось вначалѣ очень лестнымъ маленькому Антошѣ Чехонте, заставляло его добродушно улыбаться, когда онъ доросъ до настоящихъ размѣровъ своего генія. „Пускай ихъ — вѣдь они безъ ярлыка или сравненій обойтись не могутъ. А такъ навѣсятъ на человѣка этикетку, и рады. Съ нею и бессарабское за настоящій шатолафитъ сойдетъ“. Разумѣется, продли судьба Антону Павловичу жизнь еще на нѣсколько лѣтъ — иное дѣло. Всѣ такія сравненія и для литературныхъ слѣпышей показались бы болѣе, чѣмъ странными. Антонъ Павловичъ былъ отнятъ у насъ въ тѣ годы, когда русскій геній только прочно становится на ноги и чувствуетъ мощь своихъ развернутыхъ крылъ. Изъ орленка, несомнѣнно, разросся бы настоящій орелъ. Въ этомъ отношеніи Чеховъ увеличилъ собою Четью-Минею рано отнятыхъ у насъ судьбою властителей думъ. Я хотѣлъ

было сказать „угасшихъ“, но именно это не подходитъ къ Антону Павловичу. Его костеръ только-что разгорѣлся яркимъ пламенемъ, и судьба задула его, когда въ немъ было еще многое, чему оставалось пылать. Въдѣ добрыхъ 10 лѣтъ А. П. Чеховъ потерялъ на завоеваніе себѣ жизни, на борьбу съ обыденщиной, въ скитаніяхъ по мелкимъ журнальцамъ, набрасывалъ сотни крохотныхъ рассказовъ изъ эпохи нашего печальнаго безвременья, когда старые идеалы слиняли, идеалисты ушли со сцены, а новые еще не выступили на нее. Несомнѣнно — проживи онъ еще — осуществились бы и его мечты о большомъ романѣ. Я помню, какъ онъ мнѣ въ Крыму говорилъ: „не умру безъ большого романа. Настоящаго большого. И Немировичу и всѣмъ (онъ не могъ не подтрунивать, у него все переплеталось съ шуткой) носъ утру“. И потомъ уже серьезно: „У меня онъ, этотъ романъ, давно въ головѣ. Все, что я писалъ, только размахивался. Пробовалъ. Это были этюды передъ большою картиной. Отдѣльные черточки. Всю бы русскую жизнь хотѣлось втиснуть, такъ листовъ въ пятьдесятъ-шестьдесятъ печатныхъ. Меня вонъ съ Мейсонье сравниваютъ, а я чувствую силы и для громадныхъ полотенъ, такъ чтобы не стѣсняться размѣрами. Кого хочу, того и ввожу, и всѣмъ есть мѣсто“.

Думаю, что романъ А. П. Чехова создалъ бы эпоху въ нашей словесности. Не даромъ съ такою тоскою онъ повторялъ: „ахъ, мнѣ бы здоровья. Силы побольше. Страшно подумать — могу, и не сдѣлаю, а милліоны, которые не могутъ и не дѣлаютъ, — живутъ, живутъ, живутъ... Мнѣ бы еще десять лѣтъ, только десять. Я бы заперся на это время, какъ старцы уходили въ пустыню. Въ Оивайдѣ, и тамъ бы писалъ, писалъ, писалъ“ ...

Большой романъ! Мнѣ изъ-подъ пера Чехова онъ представлялся равнозначущимъ въ литературѣ Донъ Кихоту Сервантеса, Мертвымъ Душамъ Гоголя и Обломову Гончарова. Онъ, живописавшій житейскую пошлость, — только еще начиналъ размахиваться на болѣе крупное, смѣлое и сильное. Отъ своего добродушнаго безразличія къ изображаемымъ имъ людямъ — онъ уже переходилъ къ болѣе страстному отношенію къ наблюдаемымъ тонко и художественно явленіямъ. Поразительный реалистъ, онъ уже угадывалъ новую, слагающуюся вдали, жизнь! Въ этомъ слабомъ тѣлѣ, потрясенномъ и разрушенномъ поѣздкою на Сахалинъ и возвращеніемъ черезъ Сибирь, жила большая душа, которая только къ 1904 году — годъ смерти — почуяла свою силу и

рванулась на просторъ... Прежнее признаніе дѣйствительности смѣнялось отрицаніемъ ея, сознаниемъ необходимости перомъ, какъ мечемъ, бороться съ нею — да, большой романъ скоро изъ мечты перешелъ бы въ явь, и сама фигура его автора выросла бы передъ нами въ болѣе грандіозномъ размѣрѣ. Судьба, все давшая ему для этого, — все отняла у него на самомъ поворотѣ съ проселка на большую дорогу.

Я сказалъ: безразличіе Чехова. Было ли это безразличіемъ? Не думаю. Какъ можно было относиться иначе къ тѣмъ элементарнымъ явленіямъ житейской пошлости, которую тонко наблюдалъ и художественно изображалъ онъ? Вѣдь, чтобы убить блоху — не надо ни грома, ни молніи. Та явь, которая раскрывалась передъ Чеховымъ, не стоила иного отношенія. Онъ убилъ ее именно вѣрнымъ ея воспроизведеніемъ. Не находите ли вы, что въ этой безстрастности есть беспощадность? Вотъ тебѣ зеркало — взгляни, каковъ ты, и исчезни или спрячься отъ собственнаго твоего безобразія и ничтожества.

Люди, обрушивающіеся на Чехова, судятъ его не за то, что онъ написалъ, а за то, чего онъ не написалъ. Но это противно даже евангельскому: за словеса твоя буду судить тебя, рабе лукавый!

Чеховъ при томъ никогда не священнодѣйствовалъ. Не было въ немъ противнаго лицемѣрія самовлюбленныхъ ничтожествъ. Много и мучительно работая, онъ терпѣть не могъ, чтобы говорили объ этомъ. Ему нравилось слыть бездѣльникомъ. Помню въ той же Ниццѣ:

— Лѣнюсь, баклуши бью. А публика, она наивная, воображаетъ, что я отъ письменнаго стола не отрываюсь.

— Ну, положимъ.

— Что?

— Весь прошлый вечеръ.

— Такъ я притворялся. А то отъ культипки нельзя было отдѣлаться. Онъ все добивался, что я о „пробирной палаткѣ“ думаю.

У насъ въ „Русскомъ пансіонѣ“ было два смѣшныхъ постояльца.

Одинъ, хромой, взъерошенный, ошетинившійся дыбомъ, на весь міръ и несуразный, какъ солдатскій сапогъ. Пріѣхавъ сюда прямо изъ пробирной палатки, гдѣ онъ былъ первой спицей въ колесницѣ, вообразилъ себя среди простыхъ смерт-

ныхъ чуть ли не Киромъ, царемъ Персидскимъ. Страшно былъ гордъ и тѣмъ, что онъ статскій совѣтникъ, переводя по французски себя въ государственные совѣтники, и еще болѣе тѣмъ, что кругомъ были безчинные — „пожалуй, что мѣщане, а то поповичи!“ Про Чехова и меня онъ говорилъ кому-то: „Я, знаете, по человѣчеству никѣмъ не гнушаюсь. За табльдотомъ формуляромъ не интересуешься!“ Второй, совѣтъ ужъ шутъ гороховый, явился изъ Варшавы и съ первой же встрѣчи огорошилъ Чехова. За общимъ столомъ онъ оказался рядомъ. Я передаю точно все это — хоть порою оно сбивается на анекдотъ.

— Извините, я, можетъ быть, непріятенъ вамъ, — шопотомъ обратился онъ къ А. П. Чехову.

— Почему?

— По роду своихъ занятій.

Блѣдный. Усы еще не пробиваются, глаза испуганные, наивные. Весь въ веснушкахъ. Губы по дѣтски пухлые... Изъ чудомъ выжившихъ недоносковъ.

— А вы кто же будете? Какія у васъ занятія?... — Вижу, Чеховъ серьезенъ, а въ глазахъ у него загораются веселыя искорки.

— Я... извините... шпіонъ.

— Что?

— Шпіонъ.

И онъ цѣломудренно потупился.

— Почему?... Что такое?..

Никто изъ насъ ничего понять не могъ.

— Такъ точно. Потому что гимназію окончить не могъ. Ну, а генералъ Пузыревскій, онъ знаменитый генералъ, мою мамашу очень уважалъ. У меня мамаша почтенная. Она пансіонъ получаетъ и папашу съ военной музыкой хоронила.

Часъ отъ часу не легче.

— А генералъ при чемъ?

— А онъ какъ будто благодѣтель... Хотите, говорить, я устрою вашего мальчика въ секретное отдѣленіе. Мамаша спрашиваетъ: „а двадцатаго числа жалованье за это полагается?“ — „Не только двадцатаго, но и такъ поштучно награждаютъ“. И вотъ, извините, устроилъ... „Мы ему жалованье, и какъ онъ у васъ слабенькій, такъ для легкаго воздуха будемъ его за границу на казенный счетъ въ командировку посылать“. И, извините, послалъ.

— Слушайте же, — серьезно добивается Чеховъ, а у самого глаза еще пуще смѣются: — такъ вы и на меня при случаѣ донесете.

— Помилуйте! Какъ же это можно, извините! Чтобы я посмѣлъ! Я васъ читалъ. У насъ на службѣ знаменитыхъ людей уважаютъ. На домахъ даже мраморныя доски: „Здѣсь умеръ такой-то“. Что вы! Да какъ это... Мнѣ даже страшно слушать отъ васъ такое. Извините!

— Да вѣдь вы, слушайте же, должны доносить?

— Ужъ какъ полагается.

— О чемъ?

— Вообще... извините. Вотъ...

Уставился тупо въ уголъ, и совершенно неожиданно:

— О направленіи умовъ...

— То есть какъ же это?

— Мы должны все слушать и соображать. У насъ, извините, служба тонкая. Ее понять надо. Мамаша меня при его высокопревосходительствѣ на колѣни поставила и маткой-бозкой ченстоховской благословила. У меня ассигновка была для оправдательнаго документа. Въ нашемъ, извините, управленіи даже есть дѣйствительный статскій совѣтникъ, и у него въ петличкѣ и на шеѣ всякая кавалерія.

Очень меня занялъ этотъ „извините, шпіонъ“.

Чеховъ это замѣтилъ.

— Слушайте же... Василій Ивановичъ. Вы мнѣ его уступите! Я его во весь ростъ написать хочу.

Смаковалъ онъ его, смаковалъ, и все таки бросилъ. А типъ попался благодарный.

— Вы знаете, чѣмъ онъ меня утѣшилъ?

— Кто?

— „Извините, шпіонъ-съ!“ „Я, говоритъ, маленькій человекъ, а сейчасъ на одну линію съ вами попалъ“. — Напримѣръ? — спрашиваю. — А какъ-же! Вы были на Сахалинѣ въ казенной командировкѣ, а я на такой же здѣсь... Для пользы службы. — Помните одинъ изъ анекдотовъ Якоби о концертировавшемъ Николаѣ Рубинштейнѣ и господинѣ, ѣхавшемъ въ одномъ съ нимъ вагонѣ на Нижегородскую ярмарку: Ну, какъ наши съ вами дѣла пойдутъ?

И расхохотался.

Смѣялся онъ рѣдко, но когда смѣялся, всѣмъ становилось весело, точно лучъ въ потемкахъ.

— Сейчас у меня съ нимъ опять разговоръ былъ. Спрашиваю его: „слушайте же, ну что заставило васъ идти на такую должность?“

— А что?

— Да вѣдь поганая она?

— Извините. Какъ же поганая, когда мнѣ даже Станислава въ петличку могутъ дать за отличіе? Должность хорошая. Каждое двадцатое число пришелъ и получилъ. Чистая служба. Объ насъ даже въ романахъ пишутъ. Потомъ, извините, насъ всѣ боятся, а мы никого.

— Но вѣдь иногда и бьютъ.

— Разумѣется, извините, это непріятно и... больно. Но, во первыхъ, не надо попадаться. А потомъ гимнастика! Насъ, говорятъ, будутъ обучать съ гирями. На случай чего, не дай Богъ, извините! Я на эту гимнастику очень надѣюсь. Она выручитъ. У насъ есть... — И онъ назвалъ какую-то фамилію.

— Тоже шпіонъ?

— Извините, да-съ. Но онъ уже на дняхъ статскимъ совѣтникомъ будетъ. Ему даже его высокопревосходительство руку подаетъ. Ну такъ онъ хорошо эту гимнастику знаетъ. Отъ трехъ одинъ отбилъ. Онъ у насъ какъ бы героемъ считается. Онъ большой, черный какъ калмыкъ, волосатый, и его всѣ боятся. Мнѣ такъ рассказывали, что его взглядъ рѣдко кто выдержать можетъ. Только я его не одобряю-съ. Извините, онъ иногда и пытается даже. А ужъ это не благородно...

Можетъ быть, я ошибался, но мнѣ казалось, что у А. П. Чехова была особая манера творчества отъ малаго къ большому. Прежде, чѣмъ писать, онъ пробовалъ остроумное сравненіе, веселый рассказъ или его эпизодъ на собесѣдникѣ. Какъ будто невзначай вставить и посмотреть: какое производитъ онъ впечатлѣніе? Послѣ встрѣчаешь уже въ печати знакомую подробность. Угадывалъ онъ это впечатлѣніе удивительно. Сидитъ, заложивши ногу за ногу, смотритъ черезъ ваши головы куда-то далеко и видитъ и замѣчаетъ все кругомъ. Потомъ у него вырвется нѣсколько словъ, по которымъ ясно, что мимо его наблюдательнаго аппарата ничто не прошло, не оставивъ слѣда на этомъ чуткомъ негативѣ. Каждая бесѣда съ нимъ мимоходомъ, на скоро — вносила свою черточку, что-то оставляла въ душѣ. Западеть, бывало, чеховская фраза, вспомнишь ее послѣ и любишь. Я забылъ уже, у кого это было. Заговорили о малороссахъ

и нашихъ. Спорили много, Антонъ Павловичъ будто и не слушалъ даже, а потомъ вдругъ:

— Знаете... На Сахалинѣ разъ посѣтилъ я острогъ. Спрашиваю у хохла: „За что ты здѣсь?“ И онъ плаксиво, по-бабьи: „за напрасно, то есть вотъ какъ Богъ на небѣ. Ничего же ужъ я не сдѣлалъ, страдаю невинно! По чужому оговору“. Слезы въ голосѣ, а самъ весь скисъ и оѣлъ. А рядомъ русскій. И къ нему я съ тѣмъ же: „ты какъ сюда попалъ?“ Тотъ, не опуская глазъ, смотритъ на меня, даже, если хотите, вызывающе: „Извѣстно какъ. За хорошія дѣла сюда не посылаютъ“.

— Да, можетъ быть, первый и въ самомъ дѣлѣ не виноватъ.

— И я было подумалъ. Справился: двухъ прирѣзалъ и на третьемъ попался.

Была въ его характерѣ одна комическая черточка: терпѣть не могъ похвалъ его таланту и художественнымъ произведеніямъ и въ тоже время близко къ сердцу принималъ сомнѣніе въ своихъ врачебныхъ достоинствахъ. Зашелъ ко мнѣ въ Петербургѣ. Жилъ я тогда въ гостиницѣ Англія, на Исаакіевской площади. Въ этотъ день чувствовалъ себя неважно. Цѣлую ночь колело сердце, были перебои. Говорю ему. Послушалъ онъ мой пульсъ.

— Ниточка дрожить. У васъ пульсъ клубнаго игрока, хоть по ночамъ тотъ за картами, а вы за письменнымъ столомъ. Лѣстницу перемѣните, нельзя вамъ высоко жить. Я бы на вашемъ мѣстѣ думалъ: на какой ступенькѣ хлопнусь?

Я засмѣялся.

И онъ вдругъ обидчиво.

— Да вы, что же, не вѣрите мнѣ? Плохой я врачъ, по вашему?

— Какъ сказать? Только нельзя быть одинаково крупнымъ и въ литературѣ, и въ медицинѣ. Чеховъ - писатель, разумѣется, заслоняетъ Чехова - доктора.

Потемнѣлъ, и потомъ долго спустя, капризно:

— Слушайте же. Когда-нибудь убѣдятся, что я, ей Богу, хорошій медикъ.

Какъ-то заболѣла моя знакомая.

Разсказываю ему...

— А вы бы посовѣтывали ей, чтобы меня позвала. Да, впрочемъ, вы меня считаете сквернымъ докторомъ. Слушайте же, это чортъ знаетъ что. Я пять лѣтъ учился даромъ, что ли?...

Мнѣ было ясно, что онъ искренно огорченъ.

Какъ-то задѣла меня замѣтка газетнаго рецензента, усомнившася, былъ-ли я въ Испаніи. Очевидно, по невѣжеству онъ считалъ Испанію такой далекой страной, въ которую „русскому писателю никакъ не попасть“. Да и очень неправдоподобными показались ему тамошніе нравы. Встрѣчаю А. П., рассказываю ему, не безъ чувства обиды.

— А гдѣ онъ живетъ?

— Кажется, на Гороховой.

— Слушайте же. На Гороховой вѣдь этого нѣтъ, потому онъ и не вѣритъ. Помилуйте, вѣдь и у него глаза есть. По тротуару въ редакцію ходитъ, — видитъ: гдѣ они, эти самые тореро? Нѣтъ ихъ! Въ Зоологическій садъ ѣздитъ — нѣтъ тамъ пальмъ. И вы тоже. Желудокъ у него хоть проспиртованный, но слабый, а вы ему столько этой шпанской мушки насыпали. Ну, онъ и не выдержалъ. Войдите же и вы въ его положеніе. Свѣтъ-то у него весь съ куриный носъ, а вы вонъ какіе горизонты раздвигаете. Вы думаете, мнѣ не приходилось встрѣчать такихъ? Хоть бы вчера, одинъ по поводу моего двоеженца: „это неестественно“, а у самого носъ круглый, глупый и глаза, знаете, веселые, какъ у сытыхъ свинокъ. Другой даже въ печати: никогда Чеховъ сумасшедшимъ не былъ, а сумасшедшихъ изображаетъ, какъ они чувствуютъ, что имъ кажется. Я и на него не сержусь. Еще бы, ничего такого въ „Альпійской Розѣ“ нѣтъ, а онъ вѣдь дальше „Альпійской розы“ не бывалъ. Съ Сивцева вражка въ „Альпійскую розу“, по пути въ редакцію, за авансомъ. Вотъ и всѣ шесть частей свѣта.

Я заношу всѣ эти мелочи въ свои безпорядочныя воспоминанія объ Антонѣ Павловичѣ, потому что у такихъ, какъ онъ, каждая фраза, строка письма, носитъ на себѣ отраженіе его самого. Эти крупницы — какъ жемчужная розсыпь, ее надо собирать, не пропуская ни одного зерна. Солнце его таланта горѣло, какъ въ росинкахъ, въ кажущихся незначительными встрѣчахъ, случайно оброненныхъ фразахъ, мимоходомъ брошенныхъ сравненіяхъ. Хотя, принимаясь писать, онъ — не на первыхъ порахъ, а впослѣдствіи — и свой смѣхъ, и шутку облакалъ въ трагическія краски. Точно ожиданіе близкой смерти бросало свою траурную тѣнь, какъ громадное черное крыло, на этого часто по дѣтски веселаго человѣка. Мнѣ мой братъ Владиміръ — создатель Московскаго художественнаго театра — рассказывалъ:

— Чеховъ все грозился: „слушайте же... Я, ей Богу,

напишу фарсъ"... Или: „ужасно тянетъ меня на фарсъ... Вотъ увидите... Въ слѣдующій разъ приѣду въ Москву и привезу фарсъ... да еще какой! Вся публика хохотать будетъ". Написалъ, приѣхалъ и привезъ... „Вишневый садъ".

Повторяю, Антонъ Павловичъ любилъ шутку и понималъ ее.

Если бы не вѣчная забота о своемъ здоровьѣ — этотъ живописецъ потемокъ и хмурыхъ людей былъ бы однимъ изъ самыхъ жизнерадостныхъ нашихъ товарищей. Я помню, въ той-же Ниццѣ, „Пробирная палатка" (культяпка тожъ) надоѣла намъ всѣмъ до одури. Мы не знали, куда отъ нея дѣваться: двуногая пошлость совалась подъ носъ всюду. Одно только насъ утѣшало: это его духовное сходство съ Кузьмой Прутковымъ. Въ этомъ авторъ безсмертныхъ афоризмовъ братья Жемчужниковы угадали культяпку. Къ Ницц-ской аристократіи того времени принадлежала семья Арнольди, богатыхъ людей, у которыхъ на четвергахъ бывалъ весь *fine fleur* этого интернаціональнаго гнѣзда. Тутъ мѣшались въ одну пестрядь и великіе князья, и прелаты, и французская знать, и американскіе выскочки-милліардеры, и выдающіеся писатели, художники. Рядомъ съ такимъ популярнымъ ученымъ, какъ профессоръ Макс. Макс. Ковалевскій, протискивался нашумѣвшій о себѣ прощальга съ громкимъ, заимствованнымъ у предковъ, именемъ, англійская леди и Нью-Йоркская прачка, вышедшая замужъ за свиновода изъ Чикаго. Президентъ республики, посѣщая это райское поморье южной Франціи, не забывалъ хоть на четверть часа показаться на *five-o'clock tea* у „Василисы". Мы звали такъ хозяйку великолѣпной виллы Арнольди, написавшую и издавшую въ Парижѣ подъ этимъ заголовкомъ на французскомъ языкѣ недурной романъ изъ модной тогда русской жизни. Милая семья соотечественниковъ отличалась этимъ маленькимъ недостаткомъ. Все мало-мальски замѣтное должно было непременно украсить салонъ „Василисы".

Супруги Арнольди считали себя несчастными, если кто-нибудь избѣгалъ этой общеобязательной повинности.

Василиса въ такомъ случаѣ отряжала непременно мужа на охоту за рѣдкимъ экземпляромъ, появившимся въ мѣстной свѣтской фаунѣ, и тотъ не успокаивался, пока не подавалъ его — на ближайшемъ четвергѣ, подъ надлежащимъ гарниромъ.

Парижскія знаменитости въ такихъ случаяхъ являлись столь ослѣпительными павлинами, что рядомъ съ нимъ...

вершенно терялись скромныя птицы нашего отечественнаго курятника. Я помню, какимъ маленькимъ казался тутъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, бокъ о бокъ съ необычайно встопорщившимся и всѣхъ обдававшимъ мыльною пѣною своего мірового величія Викторіеномъ Сарду. Его только Григоровичъ сумѣлъ поставить на свое мѣсто удачною шуткой, въ которой самомнѣнный французскій драматургъ почувствовалъ силу не по плечу.

Но это случилось потому, что Григоровичъ — самъ сынъ матери француженки — умѣлъ по тамошнему чудесно пускать пыль въ глаза и не позволялъ наступать себѣ на ногу никому, кромѣ... ихъ высочествъ!

Разумѣется, появленіе Чехова въ Ниццѣ — взволновало маленькій муравейникъ Василисы.

На первомъ же четвергѣ она прижала меня къ стѣнѣ.

— Это тотъ самый?

— ?

— Ну, котораго переводятъ теперь французы?

— Да.

— Настоящій?

— Чего настоящѣе быть не можетъ. 96-ой пробы, съ ручательствомъ на три года.

— Вы все смѣтаете. Почему же его до сихъ поръ здѣсь нѣтъ?

— Онъ нигдѣ не бываетъ.

— Да, но у меня всѣ!

По ея мнѣнію, весь міръ сосредоточивался въ ея салонѣ, остального не существовало!

— Онъ, вѣрно, мрачный иппохондрикъ?

— Слава Богу, нѣтъ. Очень веселый и милый человѣкъ.

— Тогда я ничего не понимаю... Привезите его ко мнѣ pour faire sa connaissance!

— Не поѣдетъ.

— Какъ же это такъ? Имъ заинтересованъ даже августѣйшій.

— ?

— Михаилъ Михайловичъ.

— Да какое дѣло Чехову до него?

— Значить, онъ нигилистъ. Неужели изъ тѣхъ, что съ револьверами въ карманахъ ходятъ?

Я расхохотался.

— Ну, вотъ видите, сами смѣтаете, значить, нѣтъ. Такъ почему же?

Чортъ меня дернулъ сказать: „Чеховъ привыкъ, чтобы къ нему ѣздили!“

И стараго Арнольди Василиса немедленно командировала внизъ въ городъ (ихъ вила была на горѣ Montbignon) во что бы то ни стало найти, добыть и привезти къ ней нашего писателя. А собравшейся на этотъ четвергъ публикѣ было объявлено: въ слѣдующій — у насъ будетъ наша національная слава, знаменитый Antoin de Tchekoff, писатель...

— Вродѣ кого? — заинтересовалась леди Грей, слышавшая здѣсь за esprit fort и знавшая весь Олимпъ Англіи и Франціи.

— Вродѣ... вродѣ... Мопассана doublé de votre Thackeray.

— Ао!...

Это стало понятно и успокоило всѣхъ.

Дать имя — достаточно. Никакихъ другихъ опредѣленій не надо было. Вечеромъ мы съ Чеховымъ до истерики хохотали надъ этою литературною характеристикой Мопассана, подбитаго авторомъ „Пендениссовъ“.

— Какъ это тонко! — восхищалась леди Грей... — Только вы можете такъ въ двухъ словахъ.

Василиса благосклонно улыбалась, принимая поздравленія.

— Гдѣ его можно застать на нейтральной почвѣ? — присталь ко мнѣ Арнольди.

— Позовите его къ себѣ. Онъ когда у васъ бываетъ?

— Больше по ночамъ.

— По ночамъ я сплю! — обидѣлся старикъ. — Поймите же. Онъ пріѣзжій. Неловко же мнѣ къ нему первому. Есть извѣстныя правила.

— Да, но что же съ нимъ подѣлаешь? Онъ, вообще, оригиналь.

— А, ну это другое дѣло.

Дать кличку — значитъ успокоить всѣ сомнѣнія.

Оригиналу, разъ я признанъ такимъ, можно то, чего никому другому нельзя. И въ то же время у оригинала все признается особеннымъ. Даже если онъ вынетъ носовой платокъ, высморкается въ него и положить обратно.

И Арнольди подѣхалъ въ „одно прекрасное утро“, въ своемъ великолѣпномъ ландо съ еще болѣе великолѣпнымъ ливрейнымъ лакеемъ, къ нашему скромному пансіону и не заставъ ни Чехова, ни меня, оставилъ намъ карточки.

Старая лиса нашлась pour sauver les apparences. Онъ же былъ у своего стараго знакомаго, у меня, и мимоходомъ, кстати, оставилъ карточку и Чехову.

Вернувшись, мы нашли у себя обѣ карточки.

Чехова даже перекосило.

— Слушайте же . . . Не хочу я знакомиться съ ними, чтобы Василиса меня подъ разными соусами подавала знатнымъ обоюго пола персонамъ.

— Не избѣжите . . .

— А вонъ увидимъ.

Въ этотъ день мы особенно были злы на пробирную палатку. Надоѣлъ онъ намъ до отчаянія. Вздумалъ читать свои сочиненія о пробирной палаткѣ и давалъ Чехову тему для разсказа.

Сошли къ портѣе.

— Это карточка не ко мнѣ.

— Excusez, въ ландо . . . Съ ливрейнымъ лакеемъ. Un vieux monsieur très chic!

— Знаю, знаю: et bien propre!

— Voilà!

— Это не ко мнѣ. Можетъ быть, къ знаменитому государственному совѣтнику (conseiller d'État), почему я знаю . . . Имъ всѣ грандъдюки интересуются.

Французъ сдѣлалъ благоговѣйное лицо: il n'y a que les russes! и, точно боясь обжечься, взялъ карточку Арнольди. Мы потомъ только узнали, что онъ, ничего не сумняшеся, опустилъ ее въ ящичекъ культапкинъ. Лохматая коряга, щеголявшая въ куцомъ пиджакѣ (я вѣдь здѣсь инкогнито — намекъ на вицмундиръ), съ точнымъ на бортахъ и лацканахъ меню всего съѣденнаго за недѣлю, изумилась.

— Это что за Арнольди? Съ какой стати онъ оказываетъ мнѣ знаки почтенія?

— Какъ же вы не знаете? Тамъ постоянно бываютъ великіе князья . . . Онъ и къ вамъ, какъ къ высокопоставленному.

— У него президенты и днюютъ и ночуютъ, — вставилъ невинно Антонъ Павловичъ: — вѣдь вотъ какой: мнѣ онъ, небось, не сдѣлалъ визита . . . Слушайте же — ну, прочелъ ваше имя въ „Petit Niçois“ parmi les étrangers célèbres и поспѣшилъ.

— Въ ландо и съ ливрейнымъ лакеемъ.

— Да!... Ну, я теперь понимаю. А то какъ хотите, странно!

— Вѣдь не каждый же день государственные совѣтники въ Ниццу попадаютъ.

— Поѣзжайте къ нему непременно въ четвергъ, часа въ четыре.

— Пожалуй... Знаете, все таки это съ его стороны любезно.

— Ну, и великимъ князьямъ будетъ пріятно узнать: есть де въ Ниццѣ шефъ пробирной палатки, имя рекъ. И царю въ Питеръ напишутъ: „видѣли де здѣсь такого-то“. Пріятно быть, чортъ возьми, сановникомъ.

— Ну, ужъ вы... — разнѣживалась культяпка, не замѣчая гоголевскихъ цитатъ.

— Смотришь, приглашеніе ко двору на малые вечера...

— А оттуда и въ министры рукой подать. А изъ министровъ въ графское Россійской Имперіи достоинство!

Пробирная палатка вздулась, какъ гутаперчевый шаръ, и, уходя, подала намъ съ Чеховымъ — два пальца.

Можете себѣ представить, какое впечатлѣніе культяпка произвелъ въ роковой четвергъ на *fine fleur* европейской колоніи у Арнольди съ герцогинею Соммерсетъ, леди Грей, Вандербильтомъ и велик. кн. Владиміромъ Александровичемъ. При появленіи въ дверяхъ этого ошетинившагося сапога изъ пробирной палатки сначала всѣ онѣмѣли, особенно, когда, хорошо наставленный нами, онъ началъ подходить поочередно къ рукамъ всѣхъ дамъ. Какъ въ первыхъ домахъ.

На другой день пробирная палатка явилась къ табльдоту мрачнѣе ночи.

Весь дыбомъ. Дикобразъ дикобразомъ. Съ какой стороны ни подступи — наколешься.

— Ну, что пили чай съ великимъ княземъ?

Завистливо спрашиваетъ Чеховъ.

— Нда... — неопредѣленно промычалъ государственный совѣтникъ. — Чай!

— Правда, гостепріемный домъ?

Пробирная палатка только засопѣла, какъ тюлень изъ воды.

Черезъ день встрѣчаю на *Promenade des Anglais* Арнольди.

— Ну, знаете, и хамы завелись въ Ниццѣ.

— А что?

— Можете себѣ представить. Въ четвергъ у насъ. Является какое-то неряшливое чудо костромскихъ лѣсовъ... днемъ во фракѣ и ордена! И первымъ дѣломъ съ лѣваго фланга всѣмъ дамамъ не представленныя руки цѣлуетъ. Жена (Василиса) чуть не въ обморокъ. Вошла горничная Франсуазъ — онъ и ей чмокъ. Я его поймалъ за жабры и къ себѣ въ кабинетъ, а оттуда другимъ ходомъ выпроводилъ. Его Высочество, слава Богу, нашелъ это забавнымъ и поэтому мы долго смѣялись потомъ... Я васъ спрашиваю, что это такое? А вашъ Чеховъ такъ у меня и не былъ!

И потомъ уже я слышалъ установившееся о немъ въ этихъ кругахъ Ниццы:

— Да, это большой талантъ, почти геній, но какъ чело-вѣкъ, онъ *très mal élevé*!

Сидимъ мы на набережной въ Ялтѣ.

Совсѣмъ индиговое море у нашихъ ногъ. Чмокается въ деревянные пристани, чуть покачивая замершія у берега лодченки. Кипарисы, вытянувшись въ струнку, млѣютъ въ солнечномъ теплѣ и свѣтѣ. Дали чистыя, прозрачныя, въ ихъ лазури раи мерещутся.

Мимо одна изъ мѣстныхъ литературныхъ дѣвицъ (на этомъ типѣ я останавлиюсь когда-нибудь!) и еще издали разстрѣливаетъ глазами Антона Павловича.

— Еще одна ваша побѣда, — простодушно замѣчаетъ онъ.

— Слушайте! Вы это что же? За пробирную палатку меня принимаете?

— Нѣтъ... я вѣдь видѣлъ.

Я его поднялъ на смѣхъ.

— Жаль, Нефедова нѣтъ.

— А что?

— Онъ бы повѣрилъ, сдвинулъ бы кудлатый парикъ на бекрень и побѣждалъ бы за этой пучеглазой трясогузкой... тоже и Мачтетъ для этого хорошъ.

Дача его только-что была отстроена.

Ее всѣ видѣли на рисункахъ. Гдѣ только послѣ смерти А. П. не было снимковъ! Даже „Illustration“ дала „Villa de Tchekoff“ en Crimée. Она мнѣ не нравилась. Въ этомъ солнечномъ краю въ ней было слишкомъ мало солнца. Точно она заслонялась отъ него или повернулась къ нему спиною. Большой кабинетъ даже весь въ потемкахъ. Чеховъ остался и въ этомъ вѣренъ себѣ. Отгораживался отъ всего яркаго, слѣпящаго. Мнѣ казалось, что на радостномъ югѣ, пышномъ и

пестромъ, онъ хотѣлъ создать себѣ уголокъ любимого мѣста. Какъ я припоминаю (давно вѣдь это было!), громадное окно этой рабочей комнаты писателя казалось тусклымъ.

— Экая прелесть кругомъ! — какъ-то замѣтилъ я — ну чего вамъ не достаетъ въ Крыму?

— Снѣжку бы. Да саночки. Поднялъ воротникъ шубы, засучилъ рукава — вожжи натянулъ и айда! Мужика бы нашего сюда.

— Сколько угодно ихъ кругомъ!

— Это не то. Это все полтинники въ сапогахъ бѣгаютъ, да легкой наживы ищутъ... Ужъ на что эти долбоносидятлы, здѣшніе греки, и тѣ лучше.

— А татары?

— Татаринъ святой человѣкъ у себя въ горномъ аулѣ. Ну, а какъ въ руки московской купчихи попадетъ, такъ прямо ему камень на шею и въ воду. Тутъ у меня пріятель былъ Мурадъ. Чудесный мальчикъ! А какъ * * * купила ему штаны, куртку и шапку съ позументомъ — сейчасъ ему хотъ желтый билетъ, вмѣсто паспорта... Изъ за нихъ мнѣ и Ялта опротивѣла. Случись мнѣ теперь покупать землю и строиться, ни за что бы въ этомъ лупанарѣ не бросилъ якоря!...

Онъ, впрочемъ, скоро купилъ небольшой участокъ въ Гурзуфѣ. Но ему не удалось, насколько я припомню, поставить тамъ простенькаго дома, о которомъ онъ такъ мечталъ.

Средства къ нему пришли тогда, когда онъ уже былъ обреченъ. Смерть протянула надъ нимъ властную руку; какъ докторъ, онъ хорошо понималъ это, а какъ человѣкъ большого и исключительнаго самооцѣнивающаго ума, зналъ, что его творчество еще не достигло своего высшаго расцвѣта. Перечитывая его произведенія, видишь, какъ ступенька за ступенькой онъ подымался по лѣстницѣ неизмѣнно и неотступно, и остановился, не дойдя даже до середины. Я думаю, неизбежность ранняго конца была великою мукою его послѣднихъ лѣтъ. Онъ продалъ А. Ф. Марксу свои сочиненія за семьдесятъ пять тысячъ рублей, причемъ издатель за каждую новую книгу платилъ ему опять, и по гораздо большему расчету. Гонораръ со своихъ пьесъ онъ получалъ самъ. Семьдесятъ пять тысячъ потомъ были почти ничто, тогда они являлись крупною цифрой. Товарищи ему завидовали и, разумѣется, молва значительно преувеличила эту сумму. Преувеличила настолько, что на Чехова стала закидывать удочки всякая предприимчивая мразь.

— Слушайте же, — жаловался онъ въ Петербургъ. — Они вѣдь меня милліонеромъ считаютъ. Я ихъ буду посылать къ Немировичу.

Я уже жилъ на углу Невскаго и Малой Морской (нынѣ улицы Гоголя) въ номерахъ баронессы Риттергольмъ. Комнаты были чудесно отдѣланы. Случайно я попалъ въ тѣ, которыя въ послѣдній прїѣздъ сюда занималъ И. С. Тургеневъ, что, разумѣется, подало поводъ злымъ языкамъ сквернословить на мой счетъ.

— Стоило умереть Тургеневу, и Григоровичъ сейчасъ отдѣлалъ подъ него свою шевелюру, а Немировичъ поселился въ его номерахъ.

Точно въ этихъ до меня не жили всевозможные милостивые государи и госпожи, хотя и принадлежащія къ легкому чтенію, но все таки ничего общаго съ литературою не имѣющія.

Черезъ день послѣ шутливой угрозы Чехова, ко мнѣ постучался сюда необыкновенно корректный, на всѣ пуговицы застегнутый, сюртукъ съ какою-то ленточкою въ петличкѣ и моноклемъ въ глазу.

Это — въ десять утра!

— Антонъ Павловичъ, принимающій участіе въ моемъ затруднительномъ положеніи, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ вашему просвѣщенному содѣйствію . . . тѣмъ болѣе, что я такъ восхищался вашими прекрасными произведеніями: „Въ пороховомъ дыму“ и „Los povios“.

— „Въ пороховомъ дыму“ написано Н. Н. Каразинымъ, а „Los povios“ — графомъ Салиасомъ, — поправилъ я его: — но это все равно. Въ чемъ дѣло?

Монокль только поперхнулся, но не смутился.

— Скажите! . . . Какъ это я могъ смѣшать! Мнѣ, видите ли, нужно на первый разъ триста тысячъ . . .

— Неужели только!

Я величественно развалился въ креслѣ . . .

— Отчего не больше? Стоитъ ли о такой мелочи!

— Да . . . говорю: „на первый разъ.“ За это лицо, которое бы пожелало вступить со мною въ компанію, не далѣе, какъ въ три года, получить милліонъ. Не больше, не меньше. Ровно милліонъ!

И онъ поднялъ передо мною указующій перстъ съ такимъ твердымъ ногтемъ, что, кажется, не было на свѣтѣ живья, которое бы не растерзалъ онъ.

— Позвольте пожать вашу руку. О благодарю, благодарю!

— Помилуйте не стоит, мы можемъ платить столько, потому что дѣло пахнетъ милліардами.

— Я, знаете, никогда не нюхалъ милліардовъ и совсѣмъ не знаю ихъ запаха, но позвольте узнать, на какое дѣло вамъ нужны эти деньги.

— На соединеніе морей Чернаго съ Каспійскимъ. Мы убьемъ Англію...

— За что-жъ ее убивать?

— Она стоитъ на нашемъ пути къ востоку... Весь востокъ будетъ нашъ.

— И только триста тысячъ!

— Да, представьте, только... На развѣдки и предварительные расходы. А потомъ золото рѣкой польется въ наши съ вами карманы.

— Я, признаюсь, никогда еще такихъ рѣкъ не видалъ. Должно быть, очень красиво. Да и карманъ для такой рѣки надо особенный заказать, иначе прольется даромъ. Сколько же вамъ ассигнуетъ Антонъ Павловичъ?

— Онъ мнѣ сказалъ: столько же, сколько и вы. Если по полтора ста, выйдетъ ровно триста!

— Счетъ вѣренъ... Но у меня сейчасъ и полтора ста рублей нѣтъ.

Онъ даже ладонь къ уху надставилъ: не ослышался ли?

— Какъ вы изволили сказать?

Я повторилъ.

— Нѣтъ полтора ста, не рублей, а тысячъ? Такъ, можетъ быть, мы удовлетворимся меньшей суммой, только намъ придется искать третьяго компаньона. И, разумѣется, дѣлить этотъ милліонъ на нѣсколько долей.

Мнѣ эта комедія надоѣла. Я рѣшилъ ее оборвать разомъ.

— Мнѣ некогда, вы меня простите. Будемъ говорить серьезно. Вы совершенно напрасно обращаетесь съ этимъ къ русскимъ писателямъ. Всѣ мы настоящіе пролетаріи. Живемъ работою и только работою, которая оплачивается очень скупо, а часто и вовсе не оплачивается. Я, напримѣръ, вамъ и полтора ста копѣекъ не дамъ. Мы вѣдь тоже помогаемъ своимъ. А вотъ посовѣтовать вамъ могу: не беспокойте вы Чехова, онъ человѣкъ больной, и ему это очень вредно.

— Право, — говорилъ мнѣ потомъ Антонъ Павловичъ, — надо завести секретаря писать отвѣты. Слушайте же, вѣдь это невозможно. Всѣ денегъ просятъ. Какіе-то чиновники, дамы . . .

— Пошлите ихъ къ чорту.

— Да вѣдь и эти три слова надо писать, не считая адреса.

— Охота вамъ отвѣчать!

— А вы сами? Какая-то дѣвица на приданое требуетъ — и вы ей на трехъ страницахъ. Или вдова — на перевозъ праха схороненнаго здѣсь мужа къ мѣсту ея новой службы, а вы сейчасъ подробно: насколько ея желаніе неисполнимо. Нѣтъ, въ этомъ мы всѣ однимъ муромъ мазаны.

Онъ по отношенію къ обращавшимся къ нему анонимамъ и просто знакомымъ былъ удивительно деликатенъ. Я помню, какъ онъ изводился за границей, составляя письма по французски и по нѣмецки (плохо зналъ языки) къ разнымъ переводчикамъ, библіографамъ, издателямъ и просто празднымъ любителямъ, интересовавшимся русскою литературою, вообще, и имъ, въ особенности.

— Слушайте же, нельзя не отвѣчать. Мнѣ Суворинъ говорилъ, что я это для популярности, а я о ней и не думаю. По горло сытъ — благодарю! Какъ же бросить письмо въ корзину, да еще съ маркой, приложенной на отвѣтъ? Вѣдь это все равно, что не приподнять шляпу на поклонъ или не пожать протянутую вамъ руку. Свинство, вѣдь?

Ему едва удавалось отбиться отъ самозванцевъ-актеровъ.

Въ Петербургѣ завелся такой промыселъ: бритые молодые люди осаждали писателей, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ сценѣ. Мнѣ приходилось такимъ образомъ отплачиваться, какъ брату своего брата Владиміра — создателя и руководителя Художественнаго театра. Чехову — какъ автору великолѣпныхъ пьесъ. Съ ранняго утра надо было ожидать паломничества, и, должно быть, оно было организовано очень правильно. Роли распредѣлялись между этими бездѣльниками въ полномъ порядкѣ. Сегодня одинъ, завтра другой. А потомъ очередь дамъ, якобы принадлежащихъ къ театральному міру и застрявшихъ здѣсь безъ ангажемента. И тѣ, и другія въ совершенствѣ обладали способностью выбрасывать въ минуту тысячу словъ. Такой скороговорки я не слышалъ и въ пулеметномъ бою. Она васъ оглушала, лишая

всякой способности соображать и думать вообще. Начиналось это перечисленіемъ городовъ и трупъ, потомъ шли пьесы, при чемъ для большей убѣдительности называлась не только фамилія автора, но и его имя и отчество и адресъ. Если у него была жена, ссылались и на обворожительную Анну Кондратьевну. Вамъ не давали вставить на одного слова. Очевидно, все это было заучено наизусть и выпаливалось, какъ зубрилами на урокъ, безъ знаковъ препинанія. Дамы при этомъ закатывали глаза и обнаруживали готовность здѣсь же у васъ изобразить такую истерику, что весь домъ могъ бы сбѣжаться на ея пронзительные вопли. Надо отдать справедливость — дѣло было основано на весьма правдивыхъ заключеніяхъ: и бритые молодые люди, и вопленницы никогда не просили болѣе двадцати пяти рублей, при чемъ соглашались принять и красненькую бумажку. Одно, что ставило героинь провинціальныхъ подмостковъ въ затрудненіе — это просьба написать свой адресъ. Увы, многія изъ нихъ были совершенно безграмотны. Когда Чеховъ останавливался у Суворина, къ нему не пускали эту орду, въ отеляхъ — другое дѣло. Осада писателя начиналась съ утра...

Я говорилъ уже о продажѣ Чеховымъ своихъ сочиненій А. Ф. Марксу. Въ свое время очень много сплетничали объ этомъ литературные фарисеи; нашли, что Марксъ чуть ли не ограбилъ Чехова. Антону Павловичу надо было обезпечить себѣ существованіе, особенно въ виду его болѣзни. Никто, я подчеркиваю это, не давалъ ему и половины того, что ему предложилъ издатель „Нивы“. Суворинъ, принимавшій такое участіе въ дѣлахъ Антона Павловича и, надо отдать справедливость Алексѣю Сергѣевичу, сдѣлавшій много и много для того, чтобы поставить Антошу Чехонте на ноги, — когда ему предложили купить сочиненія этого писателя, отказался уплатить ему сумму, предложенную Марксомъ. Марксъ тогда уже началъ страдать болѣзною сердца, и травля, поднятая на него въ газетахъ (мы вѣдь всегда великодушны за чужой счетъ!), значительно ускорила смерть его. Сверхъ семидесяти пяти тысячъ, онъ, когда обозначился успѣхъ полнаго собранія Чехова, никѣмъ — и прежде всего самимъ авторомъ — не побуждаемый, уплатилъ ему еще двадцать тысячъ плюсъ сумму, слѣдовавшую Антону Павловичу за новыя его сочиненія. Я встрѣчалъ Маркса въ это время. На немъ лица не было. Онъ очень дорожилъ репутаціей издателя, впервые на небывалую высоту поднявшаго литературные гонорары и послужившаго, вообще, чужому ему народу. Ни одинъ

министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи не сдѣлалъ столько для распространенія въ народѣ истинно прекрасныхъ произведеній русской словесности, сколько Марксъ. Этотъ пришлый нѣмецъ, составившій у насъ большое состояніе, съ лихвою отблагодарилъ обогатившую его страну. Поддерживаемый Ю. О. Грюнбергомъ, управлявшимъ его конторою, онъ смѣло выбросилъ милліонами экземпляровъ, по неимовѣрно дешевой цѣнѣ, въ читающую массу, на погосты, въ волости, въ уѣздные города и жалкія мѣстечки, не только старыхъ классиковъ, но и современныхъ ему лучшихъ русскихъ писателей. До него были невозможны такія изданія, какъ 100,000 экземпляровъ Достоевскаго, 250,000 Тургенева, Гончарова, Салтыкова. Если расходилось восемь, девять тысячъ какого-нибудь изъ популярныхъ авторовъ, это уже считалось небывалымъ успѣхомъ. За какихъ-нибудь шесть рублей подписчикъ „Нивы“ получалъ не только журналъ съ отличнымъ подборомъ беллетристики, но и, напр., полное собраніе Достоевскаго. Возвращеніе полуинтеллигентной массы, послѣ Маркса, къ старой площадной литературѣ — было уже немыслимо. Подчеркиваю и повторяю: простой берлинскій мѣщанинъ, явившійся къ намъ вторымъ приказчикомъ въ иностранное отдѣленіе книжнаго магазина М. О. Вольфа, — разумѣется, оставилъ въ нашемъ народномъ просвѣщеніи болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ всѣ не только отрицательные министры этого вѣдомства, въ родѣ Толстого и Деянова, но и лучшіе изъ нихъ.

Разумѣется, Марксъ взялъ большой барышъ на изданіи Чехова — но вѣдь раньше и послѣ него не нашлось никого, кто бы Антону Павловичу предложилъ то, что далъ Марксъ. А потомъ, когда растерявшійся отъ нападковъ издатель „Нивы“ соглашался разорвать съ Чеховымъ контрактъ — никто изъ другихъ безкорыстныхъ благожелателей книжнаго рынка не пошелъ на эту, по ихъ же словамъ, выгодную сдѣлку, всѣ они бросились въ кусты, а А. Ф. Марксъ слегъ окончательно, оклеветанный, и больше всего — писательскою братіей, которая до него и не мечтала о гонорарахъ, которые онъ началъ ей платить. Говорю все это съ полнымъ правомъ, такъ какъ онъ меня не издавалъ, а за печатавшееся въ „Нивѣ“ платилъ мнѣ минимально. Лично я ему ничѣмъ обязанъ не былъ, и въ данномъ вопросѣ мною руководить не чувство благодарности, а только справедливость.

Послѣдній разъ жизнерадостнымъ я встрѣтилъ Чехова у П. П. Гнѣдича.

Гостепріимная хозяйка Евгенія Андреевна собирала у себя и писателей, и артистовъ. Я не помню вечеровъ проще, милѣе и содержательнѣе. На нихъ такъ легко, хорошо и искренно говорилось и чувствовалось. Тонъ безобидной шутки и большого литературнаго вкуса заставлялъ многихъ добиваться приглашенія сюда, и не знаю, былъ ли въ тѣ времена, кажущіяся теперь такими далекими, хоть одинъ художникъ, выдающійся актеръ или беллетристъ, который не побывалъ бы въ этой скромной гостиной. Кажется, въ день, о которомъ я вспоминаю, здѣсь были Антонъ Павловичъ Чеховъ, Влад. Алексѣевичъ Тихоновъ, С. И. Соломко, только что вернувшійся изъ Индіи убѣжденнымъ буддистомъ, Вас. Пант. Далматовъ и красавицы-дочери писательницы Желиховской — Надежда, потомъ вышедшая замужъ за славнаго генерала Брусилова, командовавшаго галиційскимъ фронтомъ, и Елена. Тогда засиживались долго. Пріѣзжали пить чай послѣ театра и расходились, когда уже свѣтало. Улицы по ночамъ были безопасны, никто у васъ не спрашивалъ паспорта, и не кидался изъ за угла снимать съ васъ на морозѣ шубу и сапоги. Извозчики тоже еще не стали Вандербильтами и Морганамъ и не грабили васъ, какъ грабятъ теперь. Я помню, какъ въ этотъ вечеръ Соломко читалъ буддійскія молитвы, изъ которыхъ мы уловили первыя строки: „Будда-будда-брысь“ — кличка, которая за нимъ такъ и осталась. Далматовъ впалъ въ горделивый трансъ, и горячо доказывалъ, что князя Лучичи (его фамилія, только безъ неизвѣстно откуда прилѣпившагося къ ней титула) имѣютъ право на далматинскую корону, „а можетъ быть, и хорватскую“, и при этомъ принималъ видъ такого неистоваго величія, что Чеховъ рекомендовалъ ему поступить въ качествѣ натурщика въ мастерскую надгробныхъ памятниковъ монументныхъ дѣлъ мастера Кузьмы Стоеросова на Швивой площадкѣ въ Москвѣ. Влад. Алекс. Тихоновъ былъ мраченъ и, впавъ въ покаянное настроеніе, объявилъ неизмѣнное рѣшеніе ѣхать къ заутренѣ въ Исаакіевскій соборъ.

— Грѣшники мы... Пьяницы... Блудники... — лопоталъ онъ всю дорогу туда.

Красное вино у Гнѣдича было превосходное и страшно подняло въ Тихоновѣ ужасъ передъ бездною его нравственнаго паденія.

— Нѣтъ намъ прощенія!

— Отчего же, — протестовалъ Далматовъ. — А я надѣюсь. Вотъ на примѣръ, Ной, на что уже безобразничалъ, послѣдніе

Пропускъ (см. Предисловіе).

Книга эта печаталась безъ автора. Поэтому на страницѣ 47-ой, между строками 18 и 19, оказался досадный пропускъ. Послѣ словъ „точно на балъ“ слѣдуетъ:

Я простился съ ними у Исакиевскаго собора и пошелъ къ себѣ. Жилъ я тогда въ Hôtel d'Angleterre, напротивъ. Потомъ уже В. П. Далматовъ очень картинно рассказывалъ, что происходило за ранними обѣдами въ это утро. Сцены, переданныя имъ, совершенно не сходятся съ „Воспоминаніями“ Вл. Тихонова, напечатанными въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Гдѣ правда, — не знаю. Вл. Тихоновъ этому эпизоду придалъ мрачный характеръ покаяннаго самобичеванія, участіе въ которомъ не совсѣмъ свойственно было тогда еще жизнерадостному, неудержимо веселому и скептическому Чехову. Впослѣдствіи онъ очень измѣнился, но въ ту пору А. П. умѣлъ и любилъ посмѣяться и всѣхъ заражать комизмомъ создаваемыхъ имъ положеній. Думаю, что самъ великолѣпный импровизаторъ В. П. Далматовъ уже отъ себя прибавилъ хожденіе по церквямъ послѣ Благовѣщенской. Какъ ни кратко было посѣщеніе каждой изъ нихъ и какъ ни длинны раннія обѣдни, едва ли бы эта компанія, точно цѣликомъ выхваченная изъ сценъ Бомарше, успѣла все рассказанное продѣлать, даже если бы къ ея услугамъ были буцефалы Александра Македонскаго. Привожу все это полностью, потому что ужъ очень характерна была въ нихъ фигура самого рассказчика, тоже крупнаго лица въ исторіи русской сцены. Надо прибавить еще, что дѣйствующія лица иногда собирались у меня, а такъ какъ передъ тѣмъ въ Петербургѣ была холера, то въ моемъ шкапу хранился еще большой запасъ коньяку, настоеннаго на калганѣ. О немъ - то и упоминаетъ В. П. Далматовъ въ своемъ, какъ мнѣ кажется, анекдотическомъ сказаніи.

Весь рассказъ этотъ идетъ уже отъ лица В. П. Далматова.

штаны пропилъ, а все таки попалъ въ святые. А Лотъ...
 Обрадовался, что жена въ соляной столбъ обратилась и
 сейчасъ же съ собственными дочерьми. Да еще какъ съ
 пьяныхъ глазъ тоже...

— Не ври, Вася. Соляной столбъ былъ потомъ...

— А все таки ради него Господь чуть Содомъ не по-
 миловалъ. Вотъ какіе были праведники!

— Неужли праведники?

— А то какъ же! Надѣйся!

— Не вѣрю. Не можетъ этого быть. Впрочемъ, въ
 Ветхомъ Заветѣ чего не было!

— Вспомни Давида! Надѣйся, Володя.

— Боже мой, Боже мой! Весь я въ грѣхъ, весь по
 уши въ грязи.

— У тебя дома ванна есть.

— Нѣтъ, я по субботамъ въ баню.

— Ну такъ вотъ. Авось до субботы не умрешь. На
 тотъ свѣтъ чистымъ попадешь. Точно на балъ. ✓

Пріѣхали въ Исаакіевскій. Сумракъ. Трепетъ огоньковъ.
 Чуть мерещатся тускляя ризы. Длинная черная фигура
 едва выступаетъ изъ мрака. Читаетъ.

Тихоновъ бухъ на колѣни.

— Пьяницы мы, грѣшники... Прости меня, непо-
 требнаго.

Слезы на глазахъ.

— Никогда! Обѣтъ даю. На изнанкѣ иконы напишу:
 вина отнюдь.

Опомнился.

— Этого вина! Крѣпкое оно, Господи, выдержанное въ
 погребѣ у Рауля! Плоть наша немощная.

Чеховъ рядомъ серьезно:

— Кстати, Володя, вспомни: у Немировича — отъ холеры
 спиртъ на калганѣ настоенный остался. Клянись и его
 никогда! Ишь, какъ онъ тебя прошибъ.

— И калгана ни подъ какимъ видомъ. Негодяй Василій
 Ивановичъ: онъ не меня одного. Онъ и Кигна (Дѣдлова)
 этимъ калганомъ свалилъ. Господи, это ужъ не на мнѣ,
 а на немъ грѣхъ. Въ него, нераскаянной души, и взыскивай.

Чеховъ опять суфлируетъ:

— Плачь, Володя, плачь! Много тебѣ за твои пьяныя
 слезы простится. Слушайте же, ну если человѣкъ обѣты
 даетъ этой марки не пить! Какъ же Богу не обратить на

него вниманія! Въ Москвѣ у насъ есть водка такая —
«очищенная слеза».

— Свинья я передъ тобою, Господи! Ты видишь — свинья.

— Копченая!

— А все таки я зналъ, что ты меня любишь...

— Неужели Богъ ветчину ѣстъ! Опомнись.

— Больше, чѣмъ Чехова и Немировича. Зачти мнѣ,

Господи, ихъ издѣвательства надо мною...

Отмолился онъ, вышли.

— Мало! — рѣшилъ Чеховъ. — Слушайте же, неужели
чуть поплакалъ и довольно? Валяй къ Благовѣщенію.

— Да, хорошо у Благовѣщенія, — пускалъ Тихоновъ слюну
на губы. — Очень хорошо у Благовѣщенія... Дьяконъ тамъ.
Двѣнадцать рюмокъ поставить въ одну шеренгу и сейчасъ
имъ перекличку. И закусываетъ только по двѣнадцатой,
да и то — хлѣбца понюхаетъ. Святой человѣкъ.

— Какія у тебя мысли, Тихоновъ? А еще каяться ѣдешь!
Опомнись!

— Богъ мнѣ теперь радуется... Больше, чѣмъ девя-
носто девяти праведникамъ... Праздникъ я ему устроилъ,
Богу! Немировичъ будетъ горѣть въ геенѣ неугасимой, а я
прохлагою райской упьюсь...

— Даже и въ раю упиться хочешь... Ахъ, Володя,
Володя!

У Благовѣщенія Тихоновъ уже не плакалъ, но усердно
билъ себя кулакомъ въ богатырскую грудь. „Я старикъ
желѣзный!“ — любилъ говорить онъ. Дѣйствительно, чело-
вѣкъ былъ силы необыкновенной. Самъ на себя вралъ: былъ
де гусаромъ гродненскимъ, а черезъ полчаса: я крючникомъ
на Волгѣ — на пароходъ во какіе тюки носилъ. Начнешь
разбираться, и понять не можешь, когда онъ гусаромъ
служилъ, а когда крючникомъ. Выходило какъ будто — въ
одно и то же время.

— Молись, Володя, молись! — поощрялъ его Чеховъ.

— Господи! Прости и Немировичу. Вспомни, какъ онъ,
не предупреждая, угостилъ меня спиртомъ на калганѣ. Чѣмъ
я тогда виноватъ былъ, что нѣмецкаго булочника за носъ
въ вась истъ да съ вытащилъ? Пусть и Немировичъ отвѣтитъ.
Изъ за него я въ участокъ тогда попалъ... Хорошо, что къ
знакомому приставу. Пили мы тогда съ нимъ ликеры.
Джинджеръ! Прости меня, недостойнаго!

И окончательно распустилъ губы.

— Нѣтъ... Ты многомилостивъ. Ты и Немировича простишь... У него въ шкапу всегда хорошая мадера есть...

— Мало! — мрачно чудилъ Чеховъ. — Всю жизнь, слушайте же, пакостилъ и думаетъ двумя церквями отдѣлаться. Тоже гусь... Гайда на Сѣнную.

Продемонстрировалъ Тихонова у Спаса на Сѣнной и потомъ повезъ его къ Владимірской Божьей Матери.

На Сѣнной нашъ кающійся былъ гораздо спокойнѣе и молился уже за насъ.

— Господи, прости ихъ, подлецовъ. Насмѣшники они. Негодяи! Нашли, кого по домамъ Божіимъ возить.

У Владимірской — уже озлился и началъ насъ Богу ругать.

— Тебѣ, Господи, нечего рассказывать. Ты самъ сверху отлично видишь, какіе они. А еще писатели! Соль земли — подумаешь! Вездѣ печатаются, а кто ихъ читаетъ! Какіе гонорары имъ платятъ!

Но подъ конецъ — когда мы его хотѣли въ Александро-Невскую лавру возить — остервенѣлъ и чуть не съ кулаками полѣзъ на насъ. На обратномъ пути остановилъ извозчика.

— Пойду топиться.

— Слушай же, Володя. Вѣдь ближайшая прорубь далеко. Лучше же завтра со свѣжими силами. Нельзя же на такое дѣло, не отдохнувъ. Самъ ты говоришь, что у Немировича въ шкапу какая-то особенная мадера есть...

— И хересъ!

— Ну вотъ видишь: и 'хересъ. Что-жъ, ихъ такъ оставлять? Побойся Бога.

— Я доказалъ, что боюсь: зарокъ далъ.

— Такъ зарокъ на красное: понте-кане, выдержанное въ погребахъ...

— Рауля.

— Какъ видишь. Я свидѣтель, что о хересѣ и мадерѣ ни въ одной изъ церквей никакихъ обѣтовъ не произносилъ.

— Вѣрно?

— Еще - жъ бы!... Ну, а завтра я, какъ докторъ, осмотрю тебя. Мы подпишемъ протоколъ, что ты въ полномъ разумѣ и твердой памяти. Надѣнь чистое бѣлье — и ступай топиться. Никто тебѣ не помѣшаетъ.

— Никто? Побожись.

— Ахъ, Володя, а еще только что молился. Забылъ: не призывай имени Божьяго всуе!

- Тогда, клянись гробомъ своей матери.
- Да она у меня, слава Богу, живая!
- Все равно... Бабушка умерла?
- Да...

— Именемъ бабушки! У меня бабушка была! Какія наливки дѣлала! Много я потомъ разныхъ бабушекъ видѣлъ, но такихъ наливокъ нигдѣ не пивалъ.

Чехову принадлежитъ и знаменитый устный рассказъ о бѣлыхъ слонахъ на Знаменской площади. Дѣйствующими лицами въ немъ являются опять таки желѣзный старикъ Влад. Тихоновъ, Дѣдловъ (Кигнъ) и ужъ не помню кто еще. Онъ настолько извѣстенъ (кто только надъ нимъ не смѣялся!) — что я не привожу его здѣсь.

У насъ не разъ ставили вопросъ: что такое Чеховъ въ политическомъ отношеніи? Пытались опредѣлить эту крупную литературную фигуру, какъ гражданина, и никакъ чему не пришли. Сейчасъ въ извѣстной части печати (въ Москвѣ) началась даже травля Антона Павловича, какъ писателя совсѣмъ не нужнаго, для борьбы непригоднаго, нытика и т. д. Короче, не крупнѣйшій талантъ, отмѣтившій собою цѣлую эпоху въ нашей словесности, — а отбросъ и въ лучшемъ случаѣ только легкое чтеніе для сытыхъ буржуевъ. И несправедливо, и глупо, какъ всякая оцѣнка, производимая узкопартійными людьми въ шорахъ, съ міросозерцаніемъ короче своего вздернутаго ноздрями вверхъ носа. Но въ одномъ нельзя отказать этимъ новымъ судебнымъ приставамъ печати. Они, дѣйствительно, признавъ Чехова непригоднымъ для своей пропаганды, — стали на вѣрный путь. Онъ сейчасъ въ этомъ хаосѣ, тщетно ожидающемъ всемогущаго „да будетъ свѣтъ!“, былъ бы не нуженъ. По существу, Антонъ Павловичъ и въ свое время былъ врагомъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. Сколько разъ въ той же Ниццѣ подымался вопросъ о неизбежности революціи въ Россіи. Мы — Ковалевскій, я, Джаншіевъ — горячо отстаивали ея своевременность и необходимость, Чеховъ, одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ эволюціи, съ чувствомъ внутренней боли отзывался о возможности переворота, продиктованнаго злополучнымъ, тупымъ и невѣжественнымъ царствованіемъ Ананаса III, какъ звали тогда императора Александра Александровича за роковую фразу его вступительнаго манифеста — „а на насъ лежитъ обязанность“ —, отмѣнявшаго всякое поступательное движеніе

впередъ и санкціонировавшаго эпоху „точки“. Поклонникъ эволюціи — (помните въ „Трехъ сестрахъ“ у полковника Вершинина?) „этакъ лѣтъ черезъ двѣсти“, Чеховъ въ политическомъ отношеніи былъ человекъ довольно беззаботный, и на всѣ партійныя программы, вождедѣнія и работы смотрѣлъ сверху внизъ и настолько сверху, что даже не замѣчалъ, есть ли тамъ что внизу или нѣтъ. Еще ошибочнѣе было бы считать его кадетомъ. Я никакъ не могъ бы представить себѣ Антона Павловича въ Государственной Думѣ, засѣдающимъ подъ отеческимъ крыломъ Милюкова, Винавера и ихъ присныхъ, какъ безсиленъ былъ бы вообразить его сотрудникомъ газеты „Рѣчь“, если бы онъ дожилъ до созыва нашего парламента. Замысловскіе и Келеповскіе въ немъ вызвали бы брезгливое отвращеніе, а Репетиловы въ родѣ Керенскаго — веселый смѣхъ. Если хотите, это былъ скорѣе анархистъ-индивидуалистъ, хотя оригинальный складъ его души вывелъ бы Чехова изъ какихъ бы то ни было рамокъ. Онъ никакъ не умѣщался бы въ нихъ и стеръ бы себѣ до крови локти и колѣна въ ихъ рожнахъ, рѣшеткахъ и заставахъ. Я думаю — художникъ прежде всего, Чеховъ, какъ гражданинъ, былъ неисправимый мечтатель о всеобщемъ счастьѣ человечества, мечтатель объ идилліи вѣчнаго мира, благоденствія — опять повторяю, лѣтъ черезъ двѣсти, когда насъ съ вами не будетъ, а намъ лишь бы дожить въ тишинѣ и спокойствіи. Поэтъ и мечтатель — онъ, какъ только дѣло касалось лучшаго устройства нашей жизни, отходилъ въ сторону, терялъ всѣ свои драгоцѣнныя свойства реалиста и трезваго наблюдателя. Впрочемъ, былъ ли онъ настоящимъ реалистомъ? Въдѣ въ самыхъ его реальныхъ произведеніяхъ дѣйствительность является обвитою полупризрачными сумерками, скрадывающими рѣзкость и опредѣленность очертаній. И самый смѣхъ его — не тотъ презрительный, оплевывающий маленькихъ людей ядовитою слюною, оподляющій будничные недостатки сѣренькаго міра, а добродушный, снисходительный, въ которомъ каждый почувствуетъ доброжелательнаго брата, всѣмъ своимъ любвеобильнымъ сердцемъ прильпившагося къ этой изображаемой имъ яви.

Да, Чехову, разумѣется, сейчасъ не было бы мѣста въ печати.

Не потому, что самой печати нѣтъ. Въ громахъ и ураганахъ нашего катаклизма никто не услышалъ бы его голоса.

А, можетъ быть, и не захотѣлъ бы услышать.

Чеховъ вѣдь не умѣлъ ни предостерегать, ни вести за собою толпу, ни удерживать ее отъ стихійныхъ порывовъ. Онъ бы остался — въ своемъ темномъ кабинетѣ, въ углу подъ слабымъ свѣтомъ закутанной въ зеленый абажуръ лампы, — рембрандтовской фигурой, одинаково чуждой и подлему насильническому прошлому, и вихрю социалистической мести, творящей сейчасъ свой, быть можетъ, и жестокий, но вполне заслуженный нами праведъ.

Поэтъ отечественной протоплазмы, любившій Россію такою, какъ она есть, — онъ бы не угадалъ того таинственнаго будущаго, къ которому бурно и бѣшено стремятся ея творческія силы, и не только не угадалъ, но, пожалуй, и проклялъ водополье, смывшее все, чѣмъ онъ привыкъ любоваться. Какъ бы онъ представилъ себѣ Епиходовыхъ, несущихъ во главѣ революціонныхъ воппенницъ красныя знамена въ багровый мракъ, разрываеый мгновенными зигзагами гнѣвныхъ молній!

Не сомнѣваюсь, что его вѣра въ Россію выдержала бы и такія испытанія, черезъ которыя наше отечество сейчасъ проходитъ. Я помню, какъ-то у меня собрались случайно Владиміръ Соловьевъ, Чеховъ и еще не помню кто! Это было задолго до Манчжурской войны, и Соловьевъ прочелъ свое извѣстное стихотвореніе, проникновенно предсказывавшее страшныя событія на нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Они были первымъ предостереженіемъ отечеству, внезапно остановленному въ своемъ движеніи впередъ гибельною эпохою точекъ. Чеховъ задумался, потемнѣлъ даже. И потомъ вдругъ всталъ и заговорилъ горячо, возбужденно, даже я сказалъ бы гнѣвно, совсѣмъ не похоже на него и по возбужденію, и по языку:

— Выдержимъ, и не такое еще выдерживали. Край громаднхъ масштабовъ. Нельзя его судить и отпѣвать по событіямъ сегодняшнимъ. Они пройдутъ, а Россія останется. Останется! Мы переварили и монгольское иго. Оно только сплотило насъ. Пожалуй, тогда удѣльныя княжества впервые поняли, что они только отдѣльные члены великаго народа. И 1612 г. мы сумѣли пережить и еще сильнѣе стали послѣ. Я ужъ не говорю о 1812. Это была ошибка Александра I Германскаго на русскомъ престолѣ. И я вижу, что насъ ждутъ великія бѣдствія. Россіи надо разсчитаться за все свое прошлое. Родовыя боли мухи или слона различны. Представьте, въ какихъ гигантскихъ страданіяхъ должна родиться новая Россія въ концѣ XX вѣка. И они

неизбѣжны. Великому народу и гигантскія болѣзни. Только не надо терять вѣры въ свой народъ, какой бы онъ ни былъ! Сейчасъ я вспоминаю эти слова. Въ самомъ дѣлѣ, то, что мы предвидѣли, пришло на 50 лѣтъ раньше, да вѣдь и событія, его вызвавшія, — пятилѣтняя міровая война — могли взболтать громадный океанъ Россіи, а бури этого океана нельзя сравнивать съ бурей въ стаканѣ воды. Вѣдь съ Петра Великаго мы не переживали такого страшнаго перелома. Тогда въ преобразованіяхъ вѣнценоснаго революціонера (потому что П. В. былъ настоящій революціонеръ!) перерождалась новая Россія, а теперь въ нѣдрахъ нашего отечества перерождается весь міръ, вся вселенная. Если намъ такъ тяжело — не надо забывать, что императорская власть, со дня освобожденія крестьянъ, болѣе 50 лѣтъ — полвѣка — боролась съ народнымъ образованіемъ. Въ 35 лѣтъ выросли изъ безграмотныхъ болгарскихъ райи грамотныя Болгарія, Сербія, Греція. И ходъ нашей революціи въ просвѣщенномъ народѣ былъ бы иной. Думаю, и Чеховъ — съ его вѣрою въ великую свободную Россію — не поколебался бы въ ней и теперь.

Передъ Манчжурской войной я его еще разъ встрѣтилъ за границей.

Онъ очень поддался. Недугъ измѣннически, неотступно дѣлалъ свое...

— Вы всѣ счастливыцы... Всѣ, кромѣ меня.

— Это какъ? Теперь, когда васъ уже не пугаетъ нужда и вы можете работать, когда и какъ хотите!

— Вы будете жить, когда меня зарюютъ.

Черезъ годъ я возвращался, утомленный, съ Лаоянскихъ позицій.

Только что окончился бой, одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ гибла старая Россія, тяжело расплачивавшаяся за свое равнодушное, покорное, тупое рабство. Позади еще глухо ахали крупныя орудія. Манчжурскія дали уходили въ сизый туманъ. Едва-едва намѣчались въ немъ китайскія ольхи съ круглыми темными шапками омелы. Подъ ними, точно ошетинившіеся драконьи хребты, прятались причудливыя кровли кумиренъ.

На встрѣчу — какой-то незнакомый офицеръ.

— Слышали?

— Что?

— Чеховъ умеръ!

И голосъ у него дрогнулъ.

Отвернулся, чтобы не выдать волненія.

Я вдругъ почувствовалъ, какъ и онъ: оба мы утратили дорогое, милое, близкое. Я — въ послѣднее время рѣдко встрѣчавшійся съ Антономъ Павловичемъ, онъ — и вовсе съ нимъ не знакомый... Острая боль обиды. Совершилась злая шутка надъ человѣчествомъ. Великая и бессмысленная несправедливость.

Эта коротенькая фраза:

— Чеховъ умеръ!

стерла изъ памяти зрѣлище только что видѣнныхъ отчаянныхъ наступленій, упорнаго боя однихъ, паники другихъ, тысячъ разбросанныхъ по залитой кровью землѣ продырявленныхъ труповъ, перемѣшанныхъ съ грязными лохмотьями и тоже похожихъ на лохмотья. Погасли стоны раненыхъ, грохотъ барабана, ревъ далекихъ пушекъ и визгливыя стенанія разрывавшейся шрапнели.

Все это вдругъ показалось неважнымъ — послѣ громадной всемірной утраты:

„Чеховъ умеръ“.

Комментарий

Иван Великий – колокольня в Кремле, которая более двухсот лет была самым высоким зданием в Москве (81 м).

...Вероны никакой нет. Ее Шекспир выдумал... – в Вероне происходит действие трагедии «Ромео и Джульетта» и комедии «Два веронца».

...конной статуи кондотьера Коллеоне – бронзовый конный монумент венецианского кондотьера Бартоломео Коллеони работы Андреа дель Верроккьо (1490).

Собачья площадка – площадь в Москве в районе улиц Арбат и Большая Молчановка.

...«Хороший тон» Германа Гоппе... – популярная книга по этикету, изданная в 1881 г.

Игнатий Николаевич – Потапенко.

«Рюи Блаз» – романтическая драма Виктора Гюго (1838).

Знаменитый художник только что рассорился тогда с Академией. – В.И. Якоби отказался от должностей члена Совета и профессора Академии художеств в 1889 г.

...любовницу нашего морского министра... – С мая 1881 по июнь 1905 г. главным начальником флота и морского ведомства был великий князь Алексей Александрович; его любовницей с 1890 г. была танцовщица французской труппы Михайловского театра Элиза Балетта.

...Мария Павловна в Академии... – Великая княгиня стала президентом Академии художеств только в 1909 г.

...во Флорентийском палаццо на Дворцовой набережной... – во дворце вел. кн. Владимира Александровича, женой которого была Мария Павловна (Дворцовая наб. д. 26).

Фурманичик – человек, разъезжающий в особом фургоне для ловли бездомных собак.

Либр-пансёр (фр. libre penseur) – вольнодумец.

Соломко Сергей Сергеевич (1867–1928) – художник-передвижник.

Татьянин день – студенческий праздник в честь основания Московского университета.

...как Вейнберг, ни одних похорон не пропущу. – П.И. Вейнберг был в конце жизни председателем Союза взаимопомощи русских писателей, а затем председателем Литературного фонда – организаций, ведавших среди прочего организацией похорон.

...как нероновская Поппея, купаться в молоке девяносто ослиц... – Одна из легенд о любовнице, а затем второй жене римского императора Нерона.

Джанишиев Григорий Аветович (1851–1900) – правовед, публицист, историк Великих реформ.

Мейссонье Шарль (1844–1917) – французский художник, жанрист и пейзажист.

...поездкою на Сахалин и возвращением через Сибирь... – на самом деле Чехов ехал на Сахалин через Сибирь, а возвращался морским путем через Индийский океан.

Пузыревский Александр Казимирович (1845–1904) – русский генерал от инфантерии, военный историк, писатель.

«Альпийская роза» (нем. «Alpenrose») – ресторан в Москве (Пушечная ул. д. 4).

...у «Василисы». Мы звали так хозяйку виллы Арнольди... – Имеется в виду писательница, переводчица, революционерка Нина (Анна) Александровна Арнольди (1843–1921, Ницца). Роман «Василиса» был опубликован в Женеве в 1879 г.

Михаил Михайлович (1861–1929) – великий князь; в 1891 г. после морганатического брака с внучкой Пушкина ему был запрещен въезд в Россию; жил в Каннах.

«Пенденнис» (1850, рус. пер. 1852) – роман У.М. Теккерея.

Приятно быть, черт возьми, сановником. – Реминисценция из «Ревизора» Гоголя: «Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом!» (д. 5, явл.1).

Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) – государственный деятель, историк. Член Государственного совета (1866), обер-прокурор Святейшего Синода и министр народного просвещения (1865–1880). Инициатор реформы среднего образования (1871). В 1882–1889 гг. – министр внутренних дел и шеф жандармов. С 1882 г. – президент Академии наук.

Делянов Иван Давыдович, граф (1818–1897) – государственный деятель, статс-секретарь, сенатор. В 1861–1882 гг. директор Императорской публичной библиотеки и товарищ министра народного просвещения, с 1882 г. министр.